

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

КАФЕДРА ПОЛИТОЛОГИИ И ПРАВОВЕДЕНИЯ

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В
ГОСУДАРСТВАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
ТРАНЗИТА**

Материалы Международной научной конференции

(Луганск, 4 апреля 2019 г.)

Луганск
2019

УДК 323-043.86:321.7 (06)

ББК 66.3(0), 1я43

А 43

Рецензенты:

- Сорокина Г.А.** – первый проректор ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», доктор педагогических наук, профессор
- Скляр П.П.** – директор Института философии и социально-политических наук ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», доктор психологических наук, профессор
- Каминская О.В.** – заведующий кафедрой документоведения и технотронной информологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», кандидат философских наук, доцент

А 43 **Актуальные вопросы политического развития в государствах демократического транзита** : материалы международной научной конференции. – Луганск, 4 апреля 2019 года / под ред. О. Г. Михайловской. – Луганск : Книта, 2019. – 160 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых и молодых исследователей в разных отраслях общественных наук, посвященных актуальным вопросам политического развития государств демократического транзита.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, студентам и всем, интересующимся проблемами политического развития современных государств.

УДК 323-043.86:321.7 (06)

ББК 66.3(0), 1я43

*Рекомендовано к печати Научной комиссией
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(протокол № 10 от 18 июня 2019 г.)*

© Коллектив авторов, 2019
© ГОУ ВПО ЛНР «ЛНУ имени
Тараса Шевченко», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Шелюто В.М. Ревизия исторического прошлого как идеологическая предпосылка цивилизационной трансформации стран постсоветского пространства	5
Михайловская О.Г. Лимитроф как модель взаимодействия на постсоветском пространстве.....	21
Татоли Т.В. Национальная проблема в государствах демократического транзита.....	29
Милокост Л.С. Развитие российско-грузинских отношений в 1991–2018 гг.....	35
Дибас О.А. Роль Российской Федерации в урегулировании Приднестровского и Гагаугского конфликтов: динамика и перспективы.....	42
Ладыга А.И. Политическое влияние информационных транснациональных корпораций интернет-сектора на трансформацию системы отношений стран постсоветского пространства.....	48
Герасимов А.В. Глобальные процессы трансформации системы высшего профессионального образования в современном информационном обществе.....	58
Карпунов В.Н. Трансформационные процессы в Украине: к вопросу о научности правотворческого процесса или мифы и реалии современной украинской действительности.....	66
Ладыга Л.И. Деятельность стран БРИКС в сфере безопасности на постсоветском пространстве.....	69
Демянченко В.Н. Ценностно-мировоззренческие ориентиры молодежи в условиях интеграции на постсоветском пространстве.....	79
Кучер К.В. Украина как социально-политический проект «Антироссия».....	83
Миндюкова А.В. Роль и влияние «цветных революций» на политический процесс транзитивных государств.....	94
Петришина С.В. Регулирование деятельности СМИ в	

Европейском информационном пространстве.....	98
Сало Д.С. Миграция в политической повестке дня современных государств.....	111
Бунеев В.Д. «Маятник метамодернизма» на современном этапе общественно-политического развития.....	114
Олейник В.А. Необуржуазия: предвестник краха капитализма	
Трегуб В.А. Блеск и нищета феномена «демократия».....	128
Рагулин Ю.В. Проблемы разрешения ассиметричных этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве.....	133
Бережной Э.А. Феномен непризнанных государств и проблема их международно-правового статуса.....	138
Калиничев А.С., Агеева Ю.В. Эволюция взглядов школы неореализма относительно внешней политики США по отношению к странам постсоветского пространства и Балканского региона.....	144
Сведения об авторах	156

Шелюто В.М.
(г. Луганск)

**РЕВИЗИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО КАК
ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРАН
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Постмодернистское понимание истории не стремится к установлению истины. Оно пытается быть оригинальным, сенсационным, «интересным». В силу этого в наше время, как грибы после дождя, появляются многочисленные «альтернативные концепции истории». Одни из них опираются на конспирологические теории, другие – кардинально меняют хронологию событий, третьи – стремятся оправдать корыстные экономические и политические цели «сильных мира сего». История в постмодернистской интерпретации превращается в симулякр, муляж. Она являет собой текст, лишённый внятного смысла. Прибегая к образному сравнению Х.Л. Борхеса, постмодернистская интерпретация истории является «садом расходящихся тропок», где прошлое находится в процессе постоянного изменения в угоду настоящему. Для того чтобы окончательно сбить с пути познания исторической истины современного человека некоторые политические лидеры современности намеренно допускают в своих суждениях оговорки и неточности, которые соответственным образом интерпретируются, намеренно закладывая в исторический контекст ложные смыслы. В настоящее время уже никого не удивляют такие высказывания политиков как «Советский Союз напал на Германию и Украину»,

«Польшу освобождала украинская армия», «Сталин проиграл войну» и т. д.

В романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984» говорится о том, что «тот, кто управляет прошлым, управляет будущим». Сложившаяся на постсоветском пространстве ситуация в исторической науке является наглядной иллюстрацией этого тезиса. Разрушение СССР, существовавшего на стыке нескольких цивилизаций, привело к тому, что каждое из возникших на его месте независимых государств вынуждено было заново сделать свой цивилизационный выбор. И мотивация этого выбора у этих государств разная. Чтобы его осуществить приходится не только существенно переоценить всю предшествующую историю, но и изменять её при помощи всевозможных фальсификаций. Причём не только сравнительно недавнюю историю советского периода, но зачастую и более раннюю историю, когда эти страны пребывали в геополитическом единстве с государством Российским.

Как уже отмечалось ранее, ревизия истории заключается в первую очередь, в отказе от советского прошлого, которое многими историками постсоветских стран обрисовывается исключительно в чёрных красках. С момента провозглашения независимости — это характерно для прибалтийских стран, которые рассматривают весь период пребывания в составе СССР как период советской оккупации и даже периодически предъявляют различные требования о возмещении причинённого ущерба Российской Федерации, заявившей о себе как о правопреемнице СССР. Как отмечает исследователь М. Крысин: «Вопрос о «советской оккупации» и о материальных и территориальных претензиях к нынешней России ни Евросоюз, ни Соединённые Штаты, ни сами республики Прибалтики

пока не собираются снимать с повестки дня» [1, с. 551]. Однако и Россия не собирается отвечать на их требования.

Политические элиты Запада, проводя политику сдерживания в отношении России, стремятся всячески ограничить её влияние именно на страны, которые на протяжении длительного времени пребывали с нею в едином геополитическом и цивилизационном пространстве. С этой целью они стремятся изолировать народы этих стран от мощного культурного притяжения со стороны России, в первую очередь, от влияния русского языка и Русской православной церкви Московского Патриархата. С другой стороны, Запад стремится подтолкнуть само руководство современной России к ревизии исторического прошлого с тем, чтобы искоренить в сознании русского народа те ценности, которые являлись основой для объединения различных народов в советский период. Среди таких ценностей одной из важнейших являлась дружба народов СССР. Именно она способствовала совместной борьбе и победе народов Советского Союза над фашизмом, идеология которого в различных вариантах в конце 30-х–начале 40-х годов получила развитие во многих странах Европы. Ревизия истории России проводится благодаря противопоставлению друг другу различных периодов её исторического существования. Делая акцент на противопоставлении Советскому Союзу Российской империи, а также противопоставляя Московскую православную Русь реформаторской деятельности Петра Великого, современные либеральные идеологи и националистически настроенные русские «фундаменталисты» невольно или намеренно пытаются очернить прошлое своей страны. В этом плане они действуют в унисон с руководством «постмайданной Украины», противопоставляющим «Украину-Русь»

(т.е. Киевскую Русь, Гетманщину) как «европейскую державу» Московскому царству, представленному едва ли не как модификация Орды. Ревизия истории затрагивает уже не только светскую историю, но и историю церковную. После предоставления томоса Константинопольским патриархатом, отменившим решения 1686 года о вхождении Киевской митрополии в состав Русской православной церкви, новообразованная «Православная церковь Украины» противопоставляет себя канонической Украинской православной церкви Московского патриархата.

Как правило, все революции стремятся изменить не только настоящее, но и прошлое. Безусловно, такие задачи перед собой ставила и революция 1917 года. Но в отличие от вождей Октября В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, вся деятельность которых была ориентирована на будущее – осуществление «мировой революции» и построение коммунизма, в период руководства СССР И.В. Сталиным была концептуально выстроена концепция преемственности «первого в мире государства рабочих и крестьян» по отношению к «государству Российскому». Это было связано с определёнными идеологическими коррективами, происшедшими в 30-е–40-е годы XX столетия в СССР.

Начиная с революции 1917 года господствующая коммунистическая идеология, активно воздействовали на процесс формирования «новой общности людей» – советского народа. Первоначально в процессе конструирования этой общности доминирующее значение играл фактор классовой борьбы пролетариата, объединяющей в единое целое все угнетённые народы. «Советская цивилизация» должна была, в конечном счёте, объединить пролетариев всех стран. На этой основе должно быть создано, чтобы затем отмереть,

универсальное государство нового типа – «Земшарная республика Советов», где, по словам В. Маяковского, народы будут «без России, без Латвий жить единым человечьим общежитием». Однако эта революционно-романтической идея оказалась слишком утопической даже для советского руководства, которое вынуждено было не только смотреть в будущее, но и оглядываться в прошлое.

В 30-е годы XX века была выстроена схема исторического процесса, которая существенно отличалась от ленинской схемы. Исходя из представлений о том, что культура должна быть национальной по форме и социалистической по содержанию, в каждой советской республике наметилась тенденция рассматривать национальную историю Советского Союза как совокупность национальных историй союзных республик, которые благодаря Октябрьской революции 1917 года слились в единый исторический поток. Доминантным, организующим началом интеграции составляющих Советский Союз республик в единое геополитическое и социокультурное пространство стала история России. Ведь именно эта страна стала центром революционных событий начала XX века. Именно здесь зародилось и сформировалось рабоче-крестьянская Советская власть, заявившая о себе как о ведущей силе социального прогресса всего человечества. Центр всемирной истории, с точки зрения, большевистских идеологов того времени, начиная с 1917 года, переместился именно в Россию. В 30-е годы XX века Советский Союз стал ядром центристических сил, противопоставив себя нарождающемуся германскому фашизму как силе центробежной и разрушительной. Вследствие побед Союза удалось создать мощную антигитлеровскую коалицию со странами Запада и завершить разгром фашизма. В

иностранных средствах массовой информации Советский Союз часто именовался Россией.

Что касается истории России, то ключевыми событиями, формирующими несущую конструкцию исторического прогресса, являлись, в первую очередь, именно те события, с которыми были связаны центростремительные тенденции развития русской и восточнославянской государственности. Такие государства, как Киевская Русь, Великое княжество Московское, Российская империя стали рассматриваться советскими историками как непосредственные предшественники Советского Союза. Курс отечественной истории, преподававшийся в школах и вузах, получил название истории СССР. Хотя крестьянским войнам XVII–XVIII веков как проявлениям классовой борьбы, уделялось немалое внимание в советской историографии, однако явный приоритет в ней принадлежал проблематике формирования российской государственности. Уже к концу 30-х годов XX столетия советская история стала рассматриваться как непосредственное продолжение истории государства Российского, включающей в себя вкрапления национальных историй других советских республик. От Святого князя Александра Невского, через объединителя России Ивана Грозного и основателя Российской империи Петра Великого, до правления И.В. Сталина в контексте советской исторической науки просматривалась историческая преемственность

Что касается истории революционного движения, то согласно советской историографии, она пытается вытеснить историю русской государственности начиная с 20-х годов XIX века, с восстания декабристов. Особое внимание придаётся истории народнического движения применительно к пореформенному периоду русской истории. С этого времени имперская государственность

России в советской историографии рассматривается как реакционная. В этом советские историки видят обоснование необходимости русских революций начала XX века. История России этого времени подменяется историей социал-демократической и большевистской партии, устанавливается преемственность и глубокая связь этой партии с предшествующими этапами революционно-освободительного движения. Таким образом, в советской исторической науке, под влиянием коммунистической идеологии, проводится глобальная ревизия исторического прошлого, благодаря которой под качественно иным углом зрения меняется вся парадигма истории. История России начала XX века, в советской историографии вообще превращается, по сути, в историю трёх русских революций – «Историю Великого Октября». Российская монархическая государственность этого периода объявляется реакционной и отжившей, поскольку задача советской историографии заключается в том, чтобы показать историческую неизбежность Октября 1917 года. В соответствии с данной концепцией именно большевистская власть призвана самой историей эффективно решать новые, гораздо более сложные экономические и политические задачи, с которыми монархическое и в значительной степени традиционалистское Российское государство не могло справиться априори.

Однако в целях победы в Великой Отечественной войне руководство Советского Союза всё же было вынуждено ориентироваться не только на революционные, по своему характеру, часто разрушительные силы, но и на консервативные силы, которые ранее выступали сторонниками традиционной российской государственности. Именно в период Великой Отечественной войны начался активный диалог

Советского государства и православной церкви, что способствовало снятию той колоссальной напряжённости, которая возникла между государством и церковными структурами в годы революции и гражданской войны. Таким образом, именно на почве истории российской государственности, а также заключив мирное соглашение с церковью, Советская власть смогла консолидировать почти весь народ в борьбе с врагом.

В перестройку, объявленную властями СССР новой революцией, проводилась тотальная ревизия представлений об исторической преемственности во всех республиках. Она продолжалась и все «лихие 90-е» уже в независимых государствах. Если в современной России по геополитическим соображениям этот процесс вынужденно приостановлен, то в большинстве других государств, образовавшихся на территории бывшего Союза, ревизия исторического прошлого идёт семимильными шагами.

Непродуманность национальной политики, в особенности в период перестройки, в значительной степени способствовала распаду единого государства. Советский Союз воплощал в себе противоречивые, а порой и взаимоисключающие тенденции, которые являлись своего рода компромиссом между центром и политическими элитами национальных республик. Одна из них заключалась в формировании единого советского народа – новой универсальной общности людей, другая – способствовала тому, что в национальных республиках сформировались политические элиты, между которыми не было единодушия в принятии важных государственных решений. В эпоху перестройки в отношении между политическими элитами нарастали и углублялись противоречия, что привело сначала к частичной смене власти. Углубление противоречий между частично изменившимися элитами республик наглядно проявилось в

процессе исключительно быстрого распада СССР. Ведь в каждой из республик к этому времени уже существовали готовые формы государственности. Для сравнения, в Российской империи элементы национальной государственности обладала только Финляндия, которая в период революционных событий 1917 года быстро отложила от России. После подавления двух крупнейших восстаний 1830 и 1863 годов Царство Польское обладало крайне ограниченными элементами государственности. Польские территории обрели независимость только в результате развала трёх империй. Все же остальные территории Российской империи не имели своих элементов национальной государственности и обрели их только в процессе революционных событий 1917–1921 годов. Поэтому распад Российской империи в ходе революционных событий 1917–1921 года не был необратимым. Большевикам удалось довольно быстро собрать почти все территории, находящиеся в подчинении бывшей империи, но уже на принципиально иной идеологической основе. Эти территории получили статус национальных республик. Таким образом, национальные республики являются с одной стороны результатом обособления национальных окраин Российской империи в период революционных событий, с другой – они являются непосредственным порождением уже новой, Советской власти, решившей национальный вопрос в свете идеологии большевистской партии. Однако государственные структуры РСФСР, вокруг которой шёл процесс собирания многонационального Советского государства, были развиты в меньшей степени чем, государственные структуры остальных 14 республик. В период развала СССР экономические и политические элиты входивших в него национальных республик вышли из подчинения центра. Они получили в наследство практически готовые

структуры органов государственной власти и управления. Однако на этот раз правящие элиты идеологически уже не были ориентированы на сохранение Союза и стремились всячески ограничить влияние России. Распад единого государства стал на этот раз необратимым.

Некоторые из лидеров постсоветских государств повели линию на жёсткое противопоставление национальной истории и истории России. На сегодняшний день история этих государств находится полностью под воздействием националистических мифов, которые присутствовали и ранее в политической культуре этих стран, но в ослабленной, рецессивной форме. В конце 80-х годов XX века эта мифология была гальванизирована перестройкой и фактически вытеснила из истории этих стран подлинные исторические реалии. Некоторые из постсоветских стран стремятся вернуть себе тот культурный код, который существовал у них до вхождения в СССР. Другие, как, например, Украина делают всё, чтобы кардинально сменить цивилизационный выбор, сделанный ещё Переяславской Радой в 1654 году.

Лишь немногие из стран постсоветского пространства сохранили преемственность в отношении советской истории. Такой страной является Республика Беларусь, где радикальная попытка смены исторического кода в начале 90-х годов прошлого века не удалась. Попытки объявить Беларусь исторической преемницей Великого княжества Литовского и водрузить над парламентом страны флаг Белорусской громады, пока не увенчались успехом. Хотя либерально и националистически настроенные представители белорусской интеллигенции активно ратовали за уход страны от наследия «советской цивилизации» и радикальную смену представлений об исторической преемственности страны. Однако государственные

символы Республики Беларусь, также как её экономическая и политическая система, свидетельствуют о том, что эта страна, в большей степени, чем другие государства, образовавшиеся на территории бывшего СССР, сохранила историческую преемственность по отношению к Советскому Союзу и Белорусской ССР.

Полным антиподом по отношению к СССР и УССР стала Украина, в особенности после майдана 2013–2014 годов. После этих событий новое руководство страны поставило задачу радикальной смены прежнего культурного кода Украины и переход к качественно иному цивилизационному выбору. Украинский майдан 2013–2014 гг. способствовал консолидации определённой части украинской нации. Однако он одновременно способствовал и сильному отчуждению от «украинства» значительной части населения Крыма и Донбасса. Новое руководство Украины заявило о радикальном разрыве с Россией в геополитическом и цивилизационном плане, о евроинтеграции и движении в ЕС и НАТО, что повлекло за собой проведение тотальной ревизии истории страны для того, чтобы сделать эти процессы необратимыми.

В Украине ревизия история проходит настолько радикально, что длительные периоды исторического прошлого фальсифицируются до неузнаваемости. Период пребывания Украины в составе Российского и особенно Советского государства рассматривается в современной историографии Украины как российская (большевистская, советская) оккупация. В Киеве создан даже Музей советской оккупации.

Некоторые из причин, давших основания для пересмотра исторического прошлого нынешними властями Украины, были заложены ещё в период существования СССР. В советское время в Украинской ССР с определённой периодичностью внедрялись две

противоположные по своей направленности тенденции. Процесс украинизации (коренизации) 20-х годов сменился процессом русификации 30-х. В ознаменование 300-летия воссоединения Украины с Россией в 1954 году советским руководством Украине был фактически «подарен» Крым с преимущественно русскоязычным населением. В 60-е годы XX века, снова дали о себе знать элементы украинизации. Однако уже в начале 70-х годов XX века происходит очередная смена направленности внутренней политики в СССР, вызвавшая протест со стороны националистически настроенных украинских диссидентов. Советская власть с целью решения политических задач в различные периоды истории стимулировала обе противоположные по направленности тенденции, видимо пытаясь их как-то примирить в обществе, основанном на принципах социальной справедливости.

В поисках истоков идентичности украинского народа современное руководство Украины и выполняющие его политический заказ историки пытаются пересмотреть всю предшествующую историю украино-российских отношений. Современная версия истории Украины полна лакунов, в ней даётся кардинальная переоценка событий, которые считались важными и судьбоносными в истории данной страны на протяжении длительного времени. Зияющие провалы исторического времени между Киевской Русью, УНР и независимой Украиной подобны «чёрным дырам», затягивающим сознание граждан этой страны. Как отмечают авторы книги «Фашизм в Украине» Г. Крючков и Д. Табачник, «майданным поводьям» «нужна Украина без Украины – народ с выкорчеванной исторической памятью, лишённый традиций и с разорванной цепочкой духовной преемственности поколений» [2, с. 267]. Исходя из господствующей в настоящее время концепции истории Украины, озвученной

в значительной степени Институтом национальной памяти, современные украинские историки вынуждены буквально резать по живому всю совместную историю восточного славянства. Украинские националисты по велению новых хозяев «стали антигуманные и антиукраинские акции в интересах творцов нового мирового порядка проводить под вывеской «борцов за демократию и права человека» [3, с. 31].

Первостепенное внимание в современной украинской историографии уделяется истории различных форм «протестного движения». Ключевыми ипостасями такой истории являются И. Мазепа, С. Петлюра и С. Бандера. Именно эти «неоднозначные» не только с исторической, но и с моральной точки зрения, персонажи истории объявляются идеологами национализма, которых поддерживает действующая власть, «отцами» украинской нации. А ведь украинские националисты, оказавшись в союзе с Германией в годы войны «действовали не только против Советского Союза, но против стран и народов всей антигитлеровской коалиции» [4, с. 319]. В настоящее время предпринимается попытка построить историю Украины на противопоставлении друг другу украинского и русского народов, которые «никогда больше не будут братьями».

Ревизия исторического прошлого происходит и в среднеазиатских республиках, где в идеологии начинают доминировать пантюркистские, а иногда и исламистские идеи. Ярким тому примером является составленная лидером Туркменистана Сапармурадом Туркменбаши Ниязовым книга «Рухнама», которая рассматривается в качестве сакральной книги туркменского народа. В соответствии с образцами литератур Востока эта книга содержит стихи и размышления туркменского лидера. Президент Туркменистана, бывший ранее главой

республиканской компартии, относительно недавней общей для всех народов СССР истории, рассуждает следующим образом: «Из истории не вычеркнешь факт образования в 1922 году Союза СССР. В те годы и развернулась внутрисоюзная борьба, принявшая маску борьбы нового со старым, религии с атеизмом. Под этой маской туркмен и толкали на уничтожение и самоуничтожение, всячески подстрекали. Внутрипартийные чистки продолжались и после войны, в 40–50-е годы, и хотя борьба с национализмом обрела другие, более скрытые формы, она продолжалась вплоть до 60-х годов» [5, с. 272–273]. В книге даже не упоминается о тех колоссальных успехах, которых достигла республика в период существования СССР: Советская идеология объявляется изначально духовно чуждой туркменскому народу: «Тенденции советской демократии выдавались за высшие нравственные достижения нового общества, которые были ничем иным, как беспочвенными, бесплодными лозунгами. Словно метастазы злокачественной опухоли, эти фальшивые лозунги пронизали всё общество, парализовали, а затем и взорвали общественный организм под названием советская система» [2, с. 273]. Создатель «Рухнамы» подчёркивает преемственность современный Туркменистана по отношению ко всем тюркским государствам, в том числе, по отношению к Османской империи. «Рухнама» приводит обширные династические списки тюркских правителей различных государств, что свидетельствует о том, что «нейтральный» Туркменистан сделал предельно ясный цивилизационный выбор в пользу идей пантюркизма.

Грузинские историки противопоставляют историю своей страны истории России. Однако в отличие от украинских коллег их противопоставление касается преимущественно советского периода истории. Они не

ставят перед собой задачу создать «альтернативную» историю, подобную той, которая создаётся в современной Украине. Это связано с тем, что грузинский национализм, в отличие от украинского, не имеет идеологических корней в «родноверии», униатстве, католицизме, он не имеет опыта сотрудничества с нацизмом в годы войны. Поэтому ревизия исторического прошлого в современной Грузии не сможет существенно выйти за рамки православия и «византизма», а значит, и не сможет в течение длительного времени иметь устойчивую антироссийскую тенденцию. К тому же, в Грузии, так или иначе, несмотря на запреты властей, ещё долго будут существовать в народном сознании симпатии к лидеру Советского государства И.В. Сталину, ещё совсем недавно почитаемому многими жителями республики как «самый великий» грузин в мировой истории. К тому же, грузинские меньшевики, возглавившие независимую Грузию 1918 – 1921 года были по своему менталитету русскими меньшевиками грузинского происхождения, первоначально активно участвовавшими в общероссийском революционном процессе.

Столь масштабный проект создания «альтернативной» истории как на Украине, в других государствах, образовавшихся на территории СССР вряд ли возможен. Даже в прибалтийских государствах, занимающих в настоящее время также ярко выраженную антироссийскую позицию. Ведь народы этих стран, в течение длительного времени относились к другим «социокультурным общностям», связанным, прежде всего, с Германией и Польшей. Наиболее масштабный проект альтернативной истории, связанный с наиболее масштабной фальсификацией, может возникнуть, на наш взгляд, только в тех странах, которые связаны друг с другом единством исторической судьбы и близостью

культурных традиций. Ведь те, кто стремится править миром, используют в своих целях известный со времён Древнего Рима принцип «Разделяй и властвуй», провоцируя между близкими народами историческое непонимание, а то и откровенную враждебность.

Литература

1. Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность / М.Ю. Крысин. – М. : Вече, 2007. – 576 с.
2. Крючков Г.К. Фашизм в Украине: угроза или реальность / Г.К. Крючков, Д.В. Табачник. – Харьков : Фолио, 2008. – 414 с.
3. Ткаченко Г.С. Фашизм и русофобия – основа идеологии украинского национализма / Г.С. Ткаченко // Бандеризация Украины – главная угроза для России / Автор-составитель Ю.К. Козлов. – М., 2008. – С. 19–32.
4. Документы изобличают: сб. док. и материалов о сотрудничестве украинских националистов со спецслужбами фашистской Германии. Изд. 3-е, доп. / Авторы-составители: Ткаченко Г.С., Войцеховский А.А. – К., 2005. – 359 с.
5. Сапармурат Т.Р. / Туркменбаши Рухнама Сапармурат. – Ашхабад : Туркменская Государственная издательская служба, 2002. – 416 с.

Михайловская О.Г.
(г. Луганск)

ЛИМИТРОФ КАК МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Недавно американская дипломатия ввела в оборот термин «прифронтовые государства», имея в виду страны Балтии и Восточной Европы. Наделение США новым статусом этих стран можно понять и как косвенное признание России своим противником, и как намерение поддерживать конфликт в Украине, снабжая ее оружием. В НАТО термин восприняли как руководство к действию и на саммитах в Уэльсе (04 – 05.09.14.) и на министерских встречах в Брюсселе (05.02.15) приняли план по формированию передовых сил быстрого реагирования и строительству командных центров альянса в ряде восточноевропейских стран.

Для понимания внешней политики США удобнее смотреть на нее через призму американских заимствований внешнеполитических приемов и методов из мировой практики. Так, после распада СССР, США применительно к Европе активно прибегают к инструменту лимитрофных государств.

Это понятие возникло в Римской империи, которая, как известно, не допускала возможности союзников, то есть себе равных, и исходила из необходимости подбора пособников для достижения своих целей.

Одним из вариантов служили лимитрофные государства от лат. *limitrophus* – пограничный. Они находились на окраинах империи, сохраняли

относительную самостоятельность, предоставляли свою территорию для стационарного размещения регулярных войск империи, финансировали все расходы пребывания войск империи на своей территории, участвовали в организационных мероприятиях по активному сдерживанию потенциального противника и в таком виде служили первым рубежом обороны империи.

Термин «лимитроф» в научном и литературном обороте стал активно применяться между Первой и Второй мировыми войнами, когда в результате распада Российской империи, на её окраинах образовались Эстония, Литва, Латвия и Финляндия.

Возрождение этого термина относится к 90-м гг. XX в. и исследуется в работах В.Л. Цымбурского, С.В. Хатунцева, Л.П. Крысина, А.Д. Богатурова.

На данный момент в Европе сложилась группа стран, которые подпадают под изложенное выше определение не только по формальным признакам, но и по содержанию. Речь идет о решениях, принятых в 2014 году, о размещении регулярных американских воинских подразделений в странах Балтии и Восточной Европы на постоянной основе. Их содержание в полном объеме, включая снабжение американских военных горюче-смазочными материалами, берет на себя, например, Литва.

К особенностям нового образа лимитрофных государств можно отнести следующие черты. Во-первых, империя, интересы, которой они вызвались оберегать, территориально находится в другой части света. Соответственно современные лимитрофы охраняют не ее географические рубежи, а созданные империей виртуальные границы, которые в политическом обиходе известны как разделительные линии в Европе.

Во-вторых, государства размещения американских войск образуют цепочку, пролегающую от севера Европы

до ее южных границ, что служит основанием назвать ее искусственной демаркационной линией между Востоком и Западом. Это содержание в военном отношении усиливает то обстоятельство, что несколько стран из ее состава (Польша, Румыния) в будущем предназначены для размещения европейских элементов глобальной ПРО.

В-третьих, активность лимитрофов развертывается на два фронта, и на Восток, и на Запад в равной мере, и хотя направлена вроде в разные стороны, но подчинена одной цели – генерировать и поддерживать между ними враждебность или, по меньшей мере, конфронтацию. Что касается лимитрофной активности на восточном направлении, то здесь хронически преобладает антироссийская риторика и внешнеполитические враждебные выпады. Ее анализ свидетельствует о том, что лимитрофная русофобия носит надуманный характер и представляет собой ретрансляцию чужих взглядов.

В Западной Европе лимитрофные государства имеют устойчивую репутацию непримиримых противников России. Они выступают главным источником систематических антироссийских инициатив, которым стремятся придать общеевропейский характер.

К особенностям нового образа лимитрофных государств следует отнести и схему их функционирования. За ее основу взята пришедшая из США модель корпоративного управления, которая состоит из трех элементов: приглашенные управляющие, заемные средства, обеспечение роста любой ценой. Здесь снова примером являются страны Балтии. Приглашенные управляющие: Латвия – Вайра Вике Фрейберга, Литва – Валдас Адамкус, Эстония – Тоомас Хендрик Ильвес. Заемные средства, предоставленные североευропейским капиталом, рост национальных ВВП на уровне 7–10%, который достигался за счет оборота финансового капитала

из Скандинавии, породили миф о процветании стран Балтии. В действительности за коротким и эффективным всплеском (2004–2008) последовало сокрушительное падение национальных ВВП, которое выразилось в деиндустриализации, безработице, массовой эмиграции, 60-миллиардном долге и перспективе восстановить докризисный уровень ВВП лишь к 2020 году.

Приведенную модель управления американский аналитик Майкл Кэхилл назвал финансовым Бермудским треугольником, имея в виду указанные выше три ее базисных элемента, которые в таком сочетании могут губить частные компании и страны.

Особенностью лимитрофных государств выступает и то, что они занимаются рекрутированием новых лимитрофов. Наиболее ярко это просматривается на примере Украины, в отношении которой прибалтийские и восточноевропейские страны проявляют активность в передаче своего опыта. В Украине прививается та же модель управления государством: приглашенные управляющие, заемные средства и поиск за рамками реального сектора источников впечатляющего роста. Следует признать, что модель украинского правительства может претендовать на титул инновационной в том смысле, что в Киеве может быть впервые приглашенный управляющий и представитель ссудного капитала объединены в одном лице. Два примера: Наталья Ярьсько (США) – глава украинского Минфина и Айварс Абромавичус (Литва) – руководитель Минэкономики. Оба пришли в украинское правительство из частных компаний ссудного капитала.

Возникает ряд риторических вопросов к Западной Европе. Зачем Евросоюзу дотировать лимитрофные государства, которые отвлекают его от углубления интеграции и препятствуют развитию его связей с

географическими соседями? Зачем Евросоюзу содействовать ремейку выхода из глобального кризиса за счет обновленного сценария 1933 года в Европе? Зачем самому Евросоюзу уподобляться лимитрофному государству, используя свой потенциал для обеспечения интересов третьего государства?

Распад СССР породил множество лимитрофных республик – пограничных государств, не обладающих реальным суверенитетом, существующих только для сдерживания России и переноса внутренней нестабильности на территорию России с целью её дальнейшей хаотизации. По сути, все постсоветские республики, кроме России, должны были стать лимитрофами, элементами санитарного кордона, однако в кордоне сразу же оказались бреши в виде Казахстана и Белоруссии. В этих республиках государство сумело сохраниться.

Узбекистан, Азербайджан и Туркменистан, заняв изначально антироссийскую позицию, избежали участи полигонов для цветных революций и кое-как сохранили государство. Фактически данные республики отказались от права самостоятельно проводить внешнюю политику, встроившись в существующий миропорядок. В обмен на это Запад разрешил их элитам самостоятельно определять внутреннюю политику, сведя своё вмешательство к минимуму.

Остальные республики в итоге оказались под внешним управлением. Заокеанская империя контролирует внешнюю и внутреннюю политику Украины, Грузии, Таджикистана и Киргизии. Усиление России и запуск Таможенного союза инициировали процесс выхода лимитрофных республик из подчинения условного Запада. Однополярный мир зашатался, а санитарный кордон начал разрываться. Первой вышла из-под контроля Армения.

Киргизия пока мечется, желая быть и с умными, и с красивыми. Вынужденная попытка украинского руководства усилить связи с Россией закончилась катастрофой: ключевой элемент санитарного кордона погрузился в хаос.

Следует понимать, что лимитрофные республики являются целевым проектом и существуют ровно столько, сколько нужно и выгодно их архитекторам. Пока данные республики обеспечивали сдерживание слабой России, их руководство не «перетряхивали» цветными революциями. Теперь же, когда Россия в открытую заявила о начале собирания утраченных земель и объединении русского народа, срок жизни лимитрофов подходит к концу. Поддерживать лимитрофы в том виде, в котором они существовали ранее, стало нецелесообразно. Именно потому на Украине пытаются построить нацистское государство. Однако, увлечшись украинскими событиями, остаются без внимания остальные республики из состава санитарного кордона. Их срок жизни также подходит к концу, они, как и Украина: 1. Не достигли успехов в государственном строительстве; 2. Не создали иной идеологии, кроме русофобии; 3. Их государство деградировало, а инфраструктура обветшала; 4. Они встроены в технологическую зону Запада на правах низового, ресурсного звена; 5. Немалая часть населения сохранила лояльное отношение к России; 6. Их запас прочности подходит к концу.

Но самое главное: сохранить существующий миропорядок честным путём невозможно, а сойтись в открытом противостоянии слишком опасно. Экономически задавить Россию трудно: она является частью мировой экономики, а потому санкции наносят урон не только России, но и Западу. Рассорить Россию и Китай пока не получается. Следовательно, единственный путь

сохранения разваливающегося мироустройства – уничтожение лимитрофов.

Главным орудие, на что сделали ставку, это псевдоэлиты постсоветских государств. Данная форма эволюции элит соответствует концепциям «навязывания» (по Карлу Шмиттеру) и «революции сверху» (по Мунку – Леффу). Они характеризуют ситуацию, при которой ведущие фракции элиты (и новые, и старые) прибегают к силовой стратегии для установления политической стабильности, что в настоящее время ярко выражено в Украине. Псевдоэлита постсоветских стран является главным инструментом уничтожения собственной государственности.

«Я тебя породил, я тебя и убью». Именно уничтожение, а не смена режима на более лояльный. Сменить-то его можно, но удержаться у власти новые постреволюционные правители не смогут: ресурсов внутри республик нет, а Запад поддержки не оказывает. Потому на постсоветском пространстве Запад будет хаотизировать всё, что только сможет. На Южном Кавказе можно столкнуть Армению и Азербайджан посредством нового конфликта в Карабахе, в Грузии сыграть на нищете и недовольстве населения внутренней политикой властей. Республики Средней Азии поджечь и вовсе не проблема: там и так адский коктейль из проблемы Афганистана, межнациональных конфликтов, наркотрафика и межгосударственных противостояний. И всё это придётся тушить России. К тому же, не стоит забывать о Китае: ему также придётся впрячься в работу и пополнить состав пожарного расчёта. Сможет ли это всё потушить Россия? Сможет, но только в том случае, если тушить будет быстро. Для этого, в свою очередь, нужно максимально быстро решить украинский вопрос, затем нужно будет приступить к Средней Азии и так далее.

Готова ли Россия? Открытой военной схватки не предвидится – будут давить хаосом и бить по экономике. Общество? Уровень поддержки внешней политики населением России достаточно высок, то есть руководство РФ получило мандат доверия.

Главными успехами страны на международной арене 19% опрошенных россиян назвали помощь Сирии. 10% респондентов одобрили улучшение отношений с зарубежными странами, 9% присоединение Крыма к России. Говоря о неудачах, 13% опрошенных назвали напряженные отношения с США, странами ЕС и санкции. Еще 8% респондентов недовольны напряженными отношениями с Украиной.

Мало того, население готово терпеть лишения ради собирания земель и изменения существующего миропорядка. Но самое главное, общество начинает излечиваться от травм 90-х: психотерапия Олимпиады позволила излечить массовое сознание, выведя его из оцепенения. Пятой колонне теперь открыто говорят, кем она является, а молодое поколение заявляет о готовности лететь в космос, что свидетельствует о желании менять мир.

Литература

1. Оленченко В. Новый образ лимитрофных государств. Между Западом и Востоком создается искусственная демаркационная линия [Электронный ресурс] / Владимир Оленченко // Независимая – URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2015-02-16/9_limitrof.html
2. Комлева Н.А. Лимитроф в современном геополитическом процессе // Электронное научное издание Альманах Пространство и время. – Т. 3.

УДК 323/321.7

Татоли Т.В.
(Луганск)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В ГОСУДАРСТВАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

Следствием действия третьей волны демократизации по С. Хантингтону (или четвертой волны Ф. Шмиттера) стало крушение социализма как политической системы в результате распада СССР и бархатных революций в странах Восточной Европы. При анализе политических процессов, происходящих в постсоциалистических транзитивных странах, бросается в глаза обострение национальной проблемы и рост национализма, принимающего различные формы – от умеренно-либерального до откровенно шовинистического и даже фашистского варианта. Спектр попыток решения национальной проблемы также весьма широк. Здесь и распад многонациональных государств и создание государств на национальной почве, и форсированное формирование «титульной нации», сопровождающееся ущемлением этносов, не относящихся к титульным (вплоть до введение совершенно абсурдной для демократических государств категории «неграждан»), и вооруженные конфликты, одним из составляющих которых можно назвать этнический компонент.

Каким же образом совмещаются такие малосовместимые, на первый взгляд, явления, как демократизация и национализм? Отметим, что ряд транзитологических концепций изначально предопределяют такую возможность.

Так, американский политолог Дэнкварт Растоу, предложивший так называемую «динамическую модель» демократического перехода, выделил четыре основные фазы демократизации, нередко рассматривающиеся современными политологами как неизбежные для любого перехода. На первой фазе формируются предпосылки перехода. В качестве необходимой предпосылки перехода он называет достижение национального единства. Национальное единство, как считает Растоу, названо предварительным условием демократизации в том смысле, что оно должно предшествовать всем другим стадиям процесса. И здесь мы сталкиваемся с возможностью поиграть терминами. Что подразумевается под национальным единством: то, что вкладывал в это понятие автор (что значительное большинство граждан потенциальной демократии не должно иметь сомнений относительно того, к какому политическому сообществу они принадлежат), или нечто иное, гораздо более привлекательное для политических деятелей транзитивных государств, разыгрывающих национальную карту?

Канадский политолог Т. Кузьо применительно к многонациональным государствам (СССР и Югославия) предложил понятие квадрант-транзит, включающий в себя решение задач развития государственности, демократизации, маркетизации и становления национальной идентичности одновременно. Последний компонент также дает широкие возможности для толкования.

Грузинский политолог Георгий Нодия в своей работе «Национализм и демократия» затрагивает проблему совместимости национализма и демократизации. Он, в частности, отмечает, что падение коммунизма в Восточной Европе и странах бывшего СССР повлекло за собой как огромные достижения в области либерализации и демократии, так и возрождение национализма. Он пытается опровергнуть точку зрения на национализм как явление принципиально антидемократическое, утверждая, что между демократией и национализмом существует взаимозависимость, проявляющаяся в двух аспектах. Во-первых, для демократии необходимо политическое единство, которое не может быть достигнуто без того, чтобы люди не определили себя как «нацию». Но при отсутствии универсальных критериев принадлежности к нации возникают конфликты на этнической почве, при которых этнические меньшинства рассматриваются нациями как потенциальные предатели, а те, в свою очередь, воспринимают крупные нации как потенциальных угнетателей. И все это служит питательной средой для национализма.

Во-вторых, по мнению Нодия, в современных зарождающихся демократиях движение за демократию и движение за независимость часто совпадают, действуя во имя самоопределения: национализм необходим для запуска механизма демократии.

Не ставя перед собой задачу, подтвердить или опровергнуть вышеупомянутые концепции, следует признать достаточно убедительной точку зрения на совместимость национализма и демократии. Следовательно, в государствах демократического транзита это явление вполне обусловлено. Однако, как свидетельствует история демократических преобразований, не всегда можно поставить знак равенства

между ростом национализма и обострением национальной проблемы в той или иной стране.

В странах развитых демократий переход от традиционной к демократической модели общества происходил постепенно, при этом в содержании национализма преобладал сугубо политический, а не этнический компонент. Поэтому здесь вероятность обострения национальной проблемы была невелика (за исключением, может быть, Германии, но там и национализм имел этническую окраску). В государствах третьей волны демократизации, к каковым относятся и постсоциалистические государства, демократическая модель утверждается революционным путем, здесь преобладает этническое понимание национализма. И там, где территория в культурном и национальном плане разнородна, по мнению Х. Линца и А. Степана, «строители демократии, имеющие власть над государственным аппаратом, должны особенно тщательно учитывать специфику смешения наций, культур и пробужденных политических идентичностей». На практике же в этих государствах (особенно постсоветских) демократизацию сопровождало общее ослабление государственной власти, что создавало благоприятные условия для развертывания разнообразных межэтнических и межнациональных конфликтов и дополнительно стимулировано рост националистических настроений (реакцией на которые опять-таки было обострение национальной проблемы).

Как считает российский политолог Е. Маркова, в демократизирующихся обществах этнические группы получают значительные возможности для политической мобилизации, но у государства обычно нет ни ресурсов, ни эффективных институциональных механизмов для достижения межгруппового согласия и выработки толерантности, которые есть в государствах с более

длительным опытом демократического развития. И в этих условиях очень велика вероятность того, что демократизация будет сопровождаться как этническими протестами, так и этническим насилием, то есть обострением национальной проблемы, вплоть до гражданской войны (о чем свидетельствует опыт Югославии, а теперь уже и Украины).

Увеличивают вероятность обострения национальной проблемы, следующие действия государства, упоминаемые Х. Линцем и А. Степаном. В сфере гражданского общества – обязательное использование государственного языка в школах и средствах массовой информации. В сфере политического общества – националистические законы о гражданстве, следствием которых становится неадекватно высокий уровень представительства доминирующей национальной группы в выборных политических органах. В сфере государственной бюрократии быстрый переход к единому государственному языку, который фактически может уменьшить участие других национальных групп в деятельности государственных учреждений и ограничить их доступ к этим учреждениям. В сфере правообеспечения судебная система может подспудно давать привилегии всей совокупности обычаев, порядков и институтов доминирующей национальной группы. И в сфере экономического общества – опорной для государства национальной группе могут быть предоставлены особые (или даже исключительные) права при перераспределении земли и – если проводится приватизация – наделении ваучерами. Если проанализировать ситуацию в тех странах демократического транзита, где национальная проблема является особенно острой, то можно заметить наличие большей части, если не всех указанных выше факторов.

Таким образом, процесс демократизации в странах демократического транзита несет в себе возможность обострения национальной проблемы, однако это обострение не является неизбежным. Правильно выбранные властью ориентиры внутренней политики могут нейтрализовать угрозы, заложенные в росте национализма в молодых демократиях.

Литература

1. Вонсович С. Политический транзит: вариативность подходов [Электронный ресурс] / С. Вонсович // Вестник ВГУ. – Серия «История. Политология. Социология. – 2015. – № 1. – Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/history/>
2. Линц Х. «Государственность», национализм и демократизация [Электронный ресурс] / Х. Линц, А. Степан. – Режим доступа: <http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication>
3. Маркова Е.А. Национализм и демократия в начале XXI в. / Е.А. Маркова // Вестник ЧитГУ. – 2011. – № 1.
4. Нодия Г. Национализм и демократия [Электронный ресурс] / Г. Нодия. – Режим доступа: <http://www.politnauka.org/>
5. Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели [Электронный ресурс] / Д.А. Растоу // Полис. – 1996. – № 5. – С. 5–15.– Режим доступа: <http://read.virmk.ru/R/Rastou.htm>
6. Сампиев И.М. О соотношении национализма, толерантности и демократии [Электронный ресурс] / Сампиев И.М. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-natsionalizma-tolerantnosti-i-demokratii>

Милокост Л.С.
(г. Луганск)

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1991–2018 гг.

Отношения со странами Южного Кавказа являются одним из основных направлений внешней политики Российской Федерации. На этом направлении наиболее проблематичным для России оказалось выстраивания конструктивных отношений с Республикой Грузия, которая активно ищет пути интеграции в европейские экономические и политические структуры, стремясь участвовать в формировании новой структуры безопасности на основе атлантизма. В новых условиях XXI века необходим пересмотр концептуальных подходов в стратегии взаимоотношения Российской Федерации и Грузии, что актуализирует необходимость рассмотрения истории развития российско-грузинских двусторонних отношений в конце XX – начале XXI вв.

В рамках исследования были обобщены и проанализированы работы как российских, так и зарубежных специалистов, выступления экспертов по проблемам развития российско-грузинских отношения, которые можно объединить в несколько блоков.

Первый блок – исследования, в рамках которых анализируются геополитические факторы, оказывающие влияние как на политический процесс в Грузии, так и на динамику российско-грузинских отношений. Прежде всего, это работы В.А. Алиева [1], К.С. Гаджиева [2], Н. В. Загладина [3], Р.В. Лекова [4], Д. Модельски [5].

Второй блок – исследования, в рамках которых рассматривается динамика развитие отношений Российской Федерации и Республики Грузия. Среди работ данного блока своей комплексностью выделяются диссертационные исследования И.А. Гукасяна «Грузино-российские отношения в контексте геополитических и геоэкономических интересов ЕС, США и НАТО» [6], Б.Ю. Мурманидзе «Россия и США в ориентирах внешней политики Грузии в период президентства Эдуарда Шеварднадзе» [7].

В своей статье А. Гушер, анализируя современные российско-грузинские отношения, указывает, что к настоящему времени между Москвой и Тбилиси накопился достаточно большой «комплекс перекосов в межгосударственных отношениях», что крайне трудно устранить их за короткий срок и наладить, наконец, конструктивное российско-грузинское сотрудничество [8]. Этот комплекс проблем и противоречий стал формироваться уже в период президентства Звиада Гамсахурдия и связан он был, прежде всего, с самим процессом формирования государственности в Грузии, который, во-первых, изначально воспринимался как противостояние с Москвой, во-вторых, был связан с проблемой сохранения территориальной целостности независимой Республики Грузия.

В виду «романтического национализма», который был присущ внешней политике З. Гамсахурдия, наладить конструктивный диалог между Москвой и Тбилиси в этот период не удалось. Этому не способствовала и ситуация в Южной Осетии, сложившаяся под влиянием решения Верховного совета Грузии об упразднении Юго-Осетинской автономной области. Однако в результате государственного переворота 6 января 1992 г. и изгнания З. Гамсахурдия к власти в Грузии приходит

Э. Шеварднадзе. Заметим, что существовала точка зрения, в соответствии с которой переворот в Тбилиси был организован при активном участии Москвы [9]. Действительно об определенных пророссийских «симпатиях» нового руководителя Грузии свидетельствуют назначения министром иностранных дел Грузии Александра Чикваидзе, который, как утверждает З.З. Бахтуридзе, был одним из наиболее пророссийски настроенных грузинских политиков того времени [10, с. 65]. Однако, несмотря на то, что Российская Федерация и Республика Грузия действительно получили шанс приступить к более конструктивному диалогу, необходимо констатировать отсутствие существенного динамизма в этом процессе. Во многом это объяснимо в виду внутренней ситуации, которая существовала в этот период как в России, так и в Грузии.

Нормализация ситуации в Абхазии и Южной Осетии стала основой формирования договорных отношений между Москвой и Тбилиси. Поэтому, несмотря на то, что Российская Федерация и Республика Грузия действительно приступили к формированию межгосударственных отношений с 1992 г., необходимо констатировать отсутствие существенного динамизма в этом процессе вплоть до 1994 г. Именно в этот период было подписан Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, который создавал предпосылки для дальнейшего развития отношений во всех сферах взаимодействия.

Во второй половине 1990-х гг. на развитие российско-грузинских отношений существенное влияние стали оказывать, во-первых, повышение заинтересованности в Грузии со стороны Вашингтона и Брюсселя; во-вторых, вопрос о пребывании на грузинской

территории российских военных баз, в-третьих, чеченская проблема, которая была вызвана как позицией Грузии, так и активностью чеченских бандформирований в пограничной зоне.

В период 1992–2003 гг. наблюдается развитие торгово-экономических отношения между Россией и Грузией, стимулирующее воздействие на динамику которых оказало подписание Соглашения о свободной торговле и Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве. Несмотря на это, по объемам торгово-экономических отношений Грузия занимала последнее место среди стран-партнеров России по СНГ.

В 2003 г. – начале 2005 г. в российско-грузинских отношениях можно наблюдать определенные попытки сохранения диалога, о чем свидетельствует позиция Москвы в ходе и «революции роз», и кризиса в Аджарии. М. Саакашвили изначально подчеркивал значение для Грузии как экономических отношений с Россией, так и сотрудничества в военной сфере. При этом, торгово-экономические отношения в данный период развивались достаточно неравномерно, испытывая действия, как общей экономической конъюнктуры, так и общей динамики политического диалога между Москвой и Тбилиси.

Начиная со второй половины 2005 г., наблюдается постепенное ухудшение двусторонних отношений, которое во многом было вызвано стремлением нового грузинского руководства дистанцироваться от Москвы, позиционировав евроатлантический выбор Грузии. Одними из основных проблем в отношениях Грузии и России периода первого президентства М. Саакашвили оставались вопросы, во-первых, о выводе российских военных баз с территории Грузии, во-вторых, об изменении мандата миротворческих операций в Южной Осетии и Абхазии путем их интернационализации –

перехода под эгиду ООН или ОБСЕ. При этом в каждом из этих вопросов позиция грузинского руководства была поддержана США.

В первом вопросе Москве и Тбилиси удалось выработать компромиссный вариант решения: во-первых, были согласованы сроки и механизм вывода российских военных баз до 2008 г.; во-вторых, грузинская сторона брала на себя обязательства по созданию нормальных условий их функционирования до завершения вывода. Относительно вопроса об изменении мандата миротворческих операций в Южной Осетии и Абхазии, то стремление грузинского руководства не были поддержаны Москвой.

В марте-октябре 2006 г. происходит существенное ухудшение российско-грузинских отношений в виду так называемых «винного» и «шпионского» скандалов. Однако, это, прежде всего, было своеобразным отражением ухудшения отношений Москвы и Тбилиси в виду обострения ситуации вокруг Южной Осетии и Абхазии, решения М. Саакашвили усилить грузинское военное присутствие в зоне конфликта. Кризис в двусторонних отношениях 2006 г. привел к свертыванию политического диалога на высшем уровне, приостановлению сообщения между РФ и Грузией, вывода российских подразделений, ужесточению визового контроля.

К прекращению практически всех институциональных отношений между Российской Федерацией и Республикой Грузия привел грузино-югоосетинский конфликт августа 2008 г. В условиях отсутствия дипломатических отношений площадкой для поиска возможности решения ряда проблемных вопросов вплоть до 2013 г. выступали только женеvские переговоры.

Со сменой власти в 2013 г. процесс нормализации отношений между Российской Федерацией и Грузией сдвинулся с мертвой точки. В этом аспекте организация и функционирование диалога Абашидзе-Карасин стали одним из возможных форматов двустороннего взаимодействия. Определенная положительная динамика наблюдается в развитии торгово-экономических отношений и гуманитарной сферах, то есть там, где это в принципе возможно при отсутствии дипотношений.

Таким образом, развитие российско-грузинских отношений в 1991–2018 гг. характеризуется значительной нестабильностью и зависимостью от процесса урегулирования существующих конфликтов на территории Грузии. На данном этапе улучшения двусторонних отношений РФ и Грузии представляется невозможны, исходя, во-первых, из диаметрально противоположных позиций Москвы и Тбилиси в отношении Абхазии и Южной Осетии, во-вторых, стремления Грузии стать полноправным членом НАТО, в-третьих, достаточно сильных антироссийских настроений в грузинском обществе, подогреваемых определенными группами влияния.

Литература

1. Алиев В.А. Соперничество Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки на пространстве СНГ: на примере Украины и Грузии: 1991 – август 2008 гг.: дис. ... канд. полит. наук / В.А. Алиев. – М., 2008. – 152 с.
2. Гаджиев К.С. «Большая игра» на Кавказе: вчера, сегодня, завтра / К.С. Гаджиев. – М. : Международные отношения, 2010. – 344 с.

3. Загладин Н.В. Конфликт вокруг Грузии в глобальном контексте / Н.В. Загладин // Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России. – М. : ИМЭМО РАН, 2010. – С. 108–112.
4. Леков Р.В. Политический процесс в Грузии: влияние Российской Федерации и США: дис. ... канд. полит. наук / Р.В. Леков. – Владикавказ, 2009. – 245 с.
5. Модельски Д. Эволюция глобальной политики (I) / Д. Модельски // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 3. – С. 62–82.
6. Гукасян И.А. Грузино-российские отношения в контексте геополитических и геоэкономических интересов ЕС, США и НАТО: 1991–2003 гг.: дис. ... канд. ист. наук / И.А. Гукасян. – М., 2008. – 386 с.
7. Мурванидзе Б.Ю. Россия и США в ориентирах внешней политики Грузии в период президентства Эдуарда Шеварднадзе: дис. ... канд. ист. наук / Б.Ю. Мурванидзе. – Иваново, 2009. – 151 с.
8. Гушер А.В. Утраченное доверие / А.В. Гушер // Азия и Африка сегодня. – 2000. – № 7. – С. 12–16.
9. Липерталиани Г. Что пугает прах Гамсахурдия, Шеварнадзе арестуют? [Электронный ресурс] / Г. Липерталиани. – URL: <http://www.gigapolit.ru/artical.aspx&id=5> (дата обращения: 12.03.2018).
10. Бахтуридзе З.З. Внешняя политика Грузии в контексте развития международных отношений на постсоветском пространстве: дис. ... док. полит. наук / З.З. Бахтуридзе. – СП(б), 2015. – С. 65.

Дибас О.А.
(г. Луганск)

**РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В
УРЕГУЛИРОВАНИИ ПРИДНЕСТРОВСКОГО И
ГАГАУТСКОГО КОНФЛИКТОВ: ДИНАМИКА И
ПЕРСПЕКТИВЫ**

В конце XX – начале XXI века мировое сообщество столкнулось с новым всплеском этнополитической активности, одним из наиболее ярких конфликтов на постсоветском пространстве стал конфликт на территории, бывшей Молдавской ССР между представителями прорумынски и пророссийски настроенных регионов – Молдовой, Приднестровской Молдавской Республикой и Гагаузией соответственно.

Попытки анализа исторических, демографических, политических аспектов приднестровского конфликта сделали такие исследователи, как Н. Бабилунга и Б. Бомешко [1], Д. Ермоленко [3] и ряд как российских, так и зарубежных исследователей.

Очевидно, что истоки приднестровского конфликта лежат в историческом прошлом Республики Молдова. Провозглашение курса на «перестройку» и «гласность» Генеральным секретарем ЦК КПСС М. Горбачевым в 1985 году открыло для советских людей ранее неизвестные страницы в истории своего народа [5]. Перестройка стала толчком к процессам политизации молдавской этничности и «румынского ренессанса» в Молдавии конца 1980-х годов. В это время в среде молдаван распространяются идеи о том, что молдаване – это румыны, что будущее Молдавии в Румынии и тому подобное. Процессы

этнополитизации молдавской партийной номенклатуры происходили чрезвычайно быстро: 31 августа 1989 года Верховный Совет Молдавской ССР провозгласил молдавский язык официальным. Одновременно был принят закон «О возвращении молдавскому языку латинской графики». И хотя национальные меньшинства сохраняли право на использование родного языка в быту, официальные лица обязаны были владеть молдавским, иначе подлежали освобождению от занимаемых должностей [5]. Жесткие дебаты по поводу статуса русского языка переросли в политические забастовки и митинги. Однако это не привело к желаемым последствиям. Курс на «румынизацию» Молдовы продолжился. В феврале 1990 года на первых свободных выборах в Верховную Раду Молдавской ССР победил Народный Фронт Молдовы, основанный прорумынски настроенной творческой интеллигенцией Молдовы. Фактически Молдова сделала поворот на 180° от русификации к румынизации. Унионистские тенденции в политике тогдашнего руководства Молдовы привели к ощущению потери среди приднестровской номенклатуры каких-либо перспектив представительства как в республиканских структурах, так и в молдавском обществе в целом. В результате между кишиневской (румыноязычные) и Тираспольской (в подавляющем большинстве русскоязычной) номенклатурой разворачивается конфликт, вошедший в историю, как приднестровский. Таким образом, в 1990 году, во времена существования СССР, в Молдавской ССР определились субъекты конфликта – молдавская национальная элита, представленная преимущественно национал-демократами и ультра-националистами, и консервативная номенклатура Приднестровья, представленная в основном директорским корпусом. Объединение населения вокруг двух элит

происходило на основе национального и языкового факторов [5].

Ход конфликта неоднократно описан отечественными и зарубежными исследователями, поэтому остановимся на самых важных моментах, которые, собственно, является отражением использования приднестровского фактора третьей стороной. И официальный Кишинев, и Тирасполь, вступая в конфликт, рассчитывали на внешнюю поддержку: первый – со стороны Румынии, а второй – со стороны Российской Федерации. Однако если Румыния в период активной фазы конфликта (военных действий) «морально поддержала» Кишинев, РФ поддержала стремление Приднестровья реальными действиями – вводом 14 армии для поддержания мира. По нашему мнению, с самого своего начала приднестровский конфликт не был запланирован. Унионистские идеи, распространявшиеся в конце 1980-х – начале 1990-х годов в советской Молдавии, а позже – независимой Республике Молдова, были достаточно неудобными не только для русскоязычного Тирасполя, но и для Москвы, всеми силами пыталась сохранить СССР. И если последнее ей сделать не удалось, то попытки сохранить свое влияние и позиции в бывших советских республиках Москва не оставляла [6].

Об особой роли Москвы в конфликте свидетельствует тот факт, что именно здесь было подписано Соглашение о принципах урегулирования конфликта в Приднестровье между президентом Молдовы М. Снегуром и президентом России Борисом Ельциным. По договоренностям 1992 года были признаны территориальная целостность Молдовы и право Приднестровья «самостоятельно решать свою судьбу» в случае изменения государственного статуса Молдовы. И хотя тогда же было инициировано переговорный процесс

между Кишиневом и Тирасполем в формате «5 + 2», при подписании Соглашения Россия фактически представляла интересы Приднестровья, а «право», закрепленное договоренностям 1992 года, впоследствии было озвучено и по Гагаузии. Переговорный процесс по решению приднестровского конфликта в формате «5 + 2» продолжается и сегодня. За это время подписан Меморандум о взаимопонимании и другие документы, в которых удостоверялось стремление сторон к компромиссу и диалогу. В 2003 году при участии специального представителя президента РФ Д. Козака был разработан «Меморандум об основных принципах государственного устройства объединенного государства». В основе плана – превращение РМ в нейтральное демилитаризованное федеративное государство, что должно было предотвратить возможность вхождения Молдовы в НАТО. План Козака так и не был реализован, как и план Ющенко и ряд других планов, в которых предлагались различные варианты решения конфликта. Основной причиной нерешенности приднестровского конфликта, по нашему мнению, является неготовность (а часто – и нежелание) сторон идти на диалог и компромисс. В результате «замораживания» ситуации вокруг Приднестровья последнее трансформировалось в своеобразное государственное образование со своими институтами (президентом, парламентом, судами и т.д.) [6].

Однако события 2013–2014 годов в Украине сместили равновесие сил в регионе. И если до событий Евромайдана в Киеве сложно было себе даже представить, что ЕС пойдет навстречу евроинтеграционным стремлением Молдовы и подпишет с ним соглашение об ассоциации, учитывая нерешенные вопросы с Приднестровьем, то сейчас это уже исторический факт.

27 июня 2014 Молдова подписала соглашение об ассоциации с Европейским Союзом. И хотя в самой республике на момент подписания соглашения лишь около 50% населения поддерживали проевропейский путь развития, Молдова получила новые возможности развития, а ее граждане, начиная с апреля 2014 года, – безвизовый режим со странами ЕС [4]. Введение жестких экономических и политических санкций странами Европейского Союза по РФ поставило российскую власть в сложное положение. Сохранение «статуса сверхдержавы» требует дополнительных усилий в новых экономических и, что самое важное, геополитических условиях. Поэтому сейчас Москва вынуждена несколько по-другому выстраивать свои отношения как с РМ, так и ПМР. По мнению молдавских обозревателей, после подписания соглашения об ассоциации наблюдается ухудшение молдавско-российских отношений. В ответ на заявления представителей российской власти, в том числе российского вице-преьера Д. Рогозина, о необходимости сохранения нейтрального статуса РМ, молдавский премьер-министр Ю. Лянкэ заявил, что вхождение Молдовы в ЕС (которое, по его мнению произойдет не скоро) отнюдь не означает необходимости изменения статуса нейтралитета [4].

В то же время в новых реалиях Приднестровья превращается в своеобразную «козырную» карту, которую Кремль пытается разыграть в борьбе за Молдавию и в определенной степени за Украину.

Литература

1. Бабилунга Н.В. Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политические

- аспекты / Н.В. Бабилунга, Б.Г. Бомешко. – Тирасполь : РИО ПГУ, 1998. – 90 с.
2. Дюбю Д. Геополітичний заручник / Д. Дюбю, С. Гобер [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://tyzhden.ua/World/95133>
 3. Єрмоленко Д. Придністровський конфлікт у міжнародних відносинах: витоки, сучасний стан та перспективи розв'язання [Електронний ресурс] / Д. Єрмоленко // Віче. – 2009. – № 9 (березень). – Режим доступу: <http://www.viche.info/journal/1377/>
 4. Зубков А. Непризнанные республики: экономического чуда не будет [Электронный ресурс] / А. Зубков. – Режим доступа: <http://informer.lg.ua/?p=36462>
 5. Кава О.С. Причины виникнення придністровського конфлікту наприкінці 80-х років ХХ століття / О.С. Кава [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://history.ukma.edu.ua/docs/journals/magisterium/17/>
 6. Штански Н. Особенности урегулирования «конфликтов идентичности». Казус Приднестровья [Электронный ресурс] / Н. Штански. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/thirty-seventh/Shtanski.pdf>

Ладыга А.И.
(г. Луганск)

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ
КОРПОРАЦИЙ ИНТЕРНЕТ-СЕКТОРА НА
ТРАНСФОРМАЦИЮ СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ
СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Роль глобальных информационных ТНК, ориентирующихся в частности на поисковые системы, с каждым годом растет. Эти системы позволяют оперативно собирать разнообразную информацию о любом регионе в разных отраслях: промышленный потенциал, состояние общественного мнения, новейшие технологии, научные исследования, личные данные пользователей и тому подобное. Это касается и информации закрытого характера, поскольку «неофициальные» работы проводятся непосредственно на разведывательные службы, не соблюдая никаких законов, проникая в любой сегмент сети, которые способны взломать – активно формировать или корректировать политику, влияя на общественное мнение, менталитет граждан любой страны путем разнообразных общественно направленных информационных технологий – от простого произвольного варьирования рангами поисковой информации (когда в первые строки поиска попадает предварительно избранная информация) к запланированным политическим атакам.

Ярким примером такой ИТ ТНК является компания Google Inc, которая в октябре 2015 года вошла в состав холдинга Alphabet, объединивший информационные и другие новейшие направления деятельности. В СНГ

лидерские позиции занимает американская компания Google Inc и нидерландско-российский Интернет-поисковик Yandex, в Восточной и Юго-Восточной Азии – китайский Baidu. В последнее время компания пытается все активнее осваивать новые для себя перспективные рынки – в первую очередь в странах СНГ и Юго-Восточной Азии.

Опасения политических элит мира не являются бесосновательными – реально доказать вмешательство мирового интернет-гиганта в политическую жизнь стран достаточно сложно, однако факты такого вмешательства не вызывают сомнений. В 2012 году Google был оштрафован на 22,5 млн. дол. Федеральной торговой комиссией после того, как выяснилось, что разработчики программного обеспечения Google взламывали компьютерный код браузера Safari от Apple. Летом 2013 года благодаря учечки от контрагера ЦРУ Э. Сноудена стало известно о том, что Google вместе с другими ИТкомпаниями получал средства от американской спецслужбы – Агентства национальной безопасности (АНБ) в рамках проекта Prism по вскрытию информации интернет-пользователей. Также стало известно, что ведущие специалисты Google принимали участие в событиях «Арабской весны» и работали в интернете по программе свержения режима президента Х. Мубарака в Египте в 2011 году [3], принимали участие в подготовке «Арабской весны». К примеру, в сентябре 2010 года в рамках организованной Google интернет-конференции «Свобода-2010» обсуждались перспективы использования интернета для распространения в мире демократических ценностей [1].

Видеохостинг Youtube уже стал достоянием интернет-корпорации, а на данный момент Google выразил намерения приобрести и Twitter. В феврале 2017 года

почти 100 американских корпораций, включая Google, Apple, Facebook, Netflix, Microsoft, Twitter, подали иск против указа президента США Д. Трампа о правилах иммиграции. В свете упомянутого выше особую обеспокоенность вызывают исследования Р. Эпштейна, который начиная с 2013 года совместно с Р. Робертсоном доказывает возможную политическую основу технической деятельности Google в глобальном мире. Исследования доказывают, что знание психологических технологий позволит путем манипуляций с рангами в Google смещать симпатии в интересах определенного кандидата на 20% и среди избирателей, которые не определились. В определенных демографических группах этот процент может достигать 85%. Ситуация преднамеренного построения рейтинга в поисковых запросах Р. Эпштейн назвал «манипуляционным эффектом поисковой машины» (SEME) [5] – это практически незаметная форма социального влияния. В 2014 году эксперимент был воспроизведен при участии 2000 лиц на выборах в Индии и продемонстрировал еще более убедительные результаты. Летом в 2016 году во время президентской избирательной кампании в США Р. Эпштейн пришел к выводу, что Google использует для манипуляции мнением избирателей не только ранжировку поиска, но и функцию автозаполнения в поиске Google. Исследования Р. Эпштейна продемонстрировали, что Интернет-корпорация в результате настроек автозаполнения работает в интересах Х. Клинтон [3]. К тому же эта функция не работает прямолинейно, а скрывает манипуляцию введением нескольких исключений, используя процесс смещения негатива и смещения подтверждения. Такому манипулированию способствует общественное мнение, которое считает компьютерный поиск полностью беспристрастным и объективным, как и предварительно

собранная персональная информация о пользователях. Доступ к личным данным человека является одним из наиболее глобальных инструментов влияния ТНК. Сегодня у большинства компаний есть свои службы безопасности, которые владеют личными данными о сотрудниках, – как легальными, так и закрытыми.

Однако возможности корпорации активно используются разными структурами в своих политических интересах. Например, Вашингтонский аналитический центр Атлантический совет выпустил отчет, «Прячась на виду: война Путина в Украине», в котором демонстрируют «доказательства» участия российской армии в конфликте на востоке Украины на базе данных Google Maps и Google Earth. Рабочая группа Атлантического совета при участии экспертов и бывшего посла США в Киеве Дж. Хербста доказывает присутствие российских войск в зоне боевых действий с помощью данных из открытых источников с использованием методики цифровой криминалистики для анализа опубликованного в интернете российскими солдатами и гражданскими в зоне конфликта видео и фото транспортных колонн, боевой техники и самих себя. Основным методом цифровой криминалистики является метод определения места съемки – геолокация, которая является действенным средством слежки с помощью сервисов Google. Эксперты отмечают в отчете, что на российских территориях, которые граничат с украинской границей, в последние месяцы 2015 года построена целая сеть, «которую может видеть каждый, у кого есть доступ к Google Earth или Google Maps» [4]. Собственно технологии, которые положены в основу программных решений Google Earth, были разработаны компанией «Keyhole Inc.», спонсировавшаяся «In-QTel» – венчурной фирмой, основанной в 1999 году научно-техническим управлением ЦРУ. Google приобрел «Keyhole Inc.» в

2004 году, когда было принято решение передать основные функции службы научно-исследовательских работ и развития частным компаниям, мобилизовав их на разработку решений в сфере информационных технологий для всей системы разведки [9]. Также официально Google получил контракт от правительства для обеспечения своими серверами и программным обеспечением специализированной информационной-поисковой технологии «Intellipedia» [8], с помощью которой сотрудники разведывательных и оборонных служб США делятся информацией и принимают участие в общей разработке разнообразных задач и планов. Интеллипедия, образованная в качестве пилотного проекта в конце 2005 года и официально введенная в эксплуатацию в апреле 2006 года, представляет собой корпоративную ВиКи (программное обеспечение с использованием вики-технологий для использования в корпоративной информационной системе, в первую очередь для обеспечения внутреннего корпоративного управления знаниями), действующей в сетях Joint Worldwide Intelligence Communication System (JWICS), SIPRNet и INTERLINK-U. Эта система используется сотрудниками со специальными ранжированными правами доступа из 16 агентств разведывательных служб США и других организаций, связанных с обеспечением национальной безопасности [6]. Другие департаменты, как например «Агентство национальной безопасности», также приобрели себе сервера на базе поисковых технологий Google для обработки информации, собранной по всему свету. ЦРУ вместе с Google инвестировало средства в компанию Recorded Future, которая разработала систему мониторинга данных в сети в режиме реального времени. К тому же в Совет директоров Recorded Future Inc. вошли представители обеих организаций. Ежедневный анализ

массива данных веб-ресурсов и аккаунтов пользователей происходит с целью выявления явных и скрытых связей между разными лицами, событиями, авариями и тому подобное, что позволит даже предвидеть развитие тех или иных событий, использовать результаты с разнообразными целями, включая разведывательные. Для анализа применяются алгоритмы с элементами искусственного интеллекта, а результаты обработки данных сохраняются на серверах компании Amazon [10]. Такое сотрудничество может и не доказывает прямой связи корпорации с ЦРУ, однако иллюстрирует потребность взаимодействия разных государственных и неправительственных структур с глобальными информационными корпорациями типа Google. Особенно с учетом наращивания технических средств влияния.

Официальная позиция Соединенных Штатов заключается в том, что такие корпорации обеспечивают свободу слова. Компания Google заявляла своей миссией «организацию мировой информации, обеспечения ее доступности и пользы для всех». В то время как правительства многих других стран, прежде всего исламских стран, КНР и России, видят в деятельности Google и других информационных ТНК использование инструментов информационного влияния, навязывания западных ценностей.

Хотя информационный гигант декларирует и в целом поддерживает политику нейтралитета, однако под нейтральными лозунгами происходит наращивание средств и ресурсов, которые имеют двойные или даже тройные приложения. Так, в Google объявили о создании спецподразделения хакеров для поиска уязвимых мест в системе. С одной стороны, полностью оправданно корпорация стремится усилить собственную безопасность, а с другой – Google планирует тестировать, то есть

взламывать, не только собственные программы, сервисы на сайте, но и чужие по собственному усмотрению. К тому же Google утверждает, что информация об уязвимых местах будет сообщаться разработчикам проблемного программного обеспечения на бесплатной основе, что позволит сделать интернет безопаснее [2]. Учитывая то, что ТНК не является благотворительной организацией, можно выделить несколько возможностей для злоупотреблений как в коммерческой (шантаж и причинение проблем конкурентам), так и с политической целью. То есть поиск уязвимых мест даст возможность очень быстро заблокировать деятельность любого «предварительно протестированного» ресурса в интересах, как самой корпорации, так и того, кто имеет возможность получить доступ к ее ресурсам.

Поскольку даже влиятельные государства не всегда способны контролировать процессы, которые происходят в глобальной информационной сфере, особенно ввиду скорости хода этих процессов, вынуждены считаться с политикой интернет-корпораций. С другой стороны, в деятельности транснациональных интернет-корпораций коммерческие интересы обычно преобладают над политическими, и даже большие политические интересы выходят из коммерческих потребностей, потому ТНК можно считать опосредствованными акторами мировой политики. Если контролировать оперативные информационные поводы традиционные государственные акторы не в состоянии, то по-другому ситуация складывается с долговременными проектами. Государства достаточно часто используют потенциал ТНК для своих интересов. К примеру, США сотрудничают с Google, на просторах прежнего СССР.

Да, в январе 2017 года в Дании объявили о создании должности «цифрового посла». В его обязанности будет

входить взаимодействие с технологическими компаниями-гигантами наподобие Apple, Google и Microsoft. «Эти компании стали чем-то вроде новых стран, и мы должны на это реагировать», – заявил министр иностранных дел А. Самюэлс [7]. Он подчеркнул, что уже сегодня эти компании имеют намного больший доход и влияние на мировой арене, чем некоторые страны. С другой стороны, рост могущества этих корпораций приводит к тому, что они имеют возможности влияния как на внутреннюю, так и на внешнюю политику стран, а государства теряют по крайней мере оперативный контроль за деятельностью таких ТНК.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

- ярким проявлением глобализации стало формирование единого информационного мирового пространства, в первую очередь, за счет мировых средств массовой информации, глобальных информационных сетей и свободной трансграничной циркуляции разнообразной информации;

- наличие такого ресурса влияния на массовое сознание, как на внутреннем, так и на международном уровнях, вызывает желание стран влиять на формирование информационного контекста. В такой борьбе и переплетении взглядов и подходов заложена дихотомия отношений между информационными (мультимедийными) ТНК и государствами;

- с одной стороны, существует зависимость СМИ от политических интересов руководящих кругов, с другой стороны – масштабы деятельности мультимедийных ТНК позволяют им становиться проводниками интересов или, по крайней мере, цивилизационных свойств политических и экономических элит на мировой арене не только в принимающих странах, но и в странах базирования;

- именно интернет является одним из наиболее мощных средств опосредствованного управления обществом как прямыми средствами пропаганды, так и скрытыми, в первую очередь благодаря поисковым системам, которые являются ядром и основой интернеттехнологий. Беспрекословным лидером поисковых систем является Google Inc., входящего в состав холдинга Alphabet;

- анализ различных аспектов и проблемных ситуаций деятельности этих корпораций, а именно: влияние Google на подготовку и события «Бархатных революций», а также возможное вмешательство в ход выборов на постсоветском пространстве; использование геолокационных сервисов во время проведения военных операций, сотрудничество со службами безопасности стран базирования, противостояния Google с поисковиком Yandex, – позволяет сделать вывод, что информационные ТНК интернетсектора имеют широкий инструментарий как для сбора персональных данных и пропаганды, так и для скрытого управления обществом, которое вызывает заинтересованность со стороны спецслужб к таким корпорациям.

Литература

1. Алешина А.В. Транснационализация международных отношений в современном мире и ее влияние на мировые политические процессы: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Алешина Александра Викторовна. – Москва, 2011. – 173 с.
2. Информационная война от Google? IT-гигант собирается взламывать чужие сайты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://the-dayx.ru/informacionnaya-vojna-ot-google-it-gigant->

- sobiraetsya-vzlamyvat-chuzhiesajty.html. – Название с экрана.
3. Обесмысленная демократия: Google становится глобальным политическим манипулятором [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nk.org.ua/geopolitika/obessmyislivaya-demokratiyu-google-stanovitsyaglobalnyim-politicheskim-manipulyatorom-71271>. – Название с экрана.
 4. Участие России в войне доказывают с помощью Google Maps [Электронный ресурс] // BBC. Русская служба. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/atlantic_council_russia_ukraine. – Название с экрана.
 5. Epstein R. How Google Could Rig the 2016 Election [Electronic resource]: Google has the ability to drive millions of votes to a candidate with no one the wiser / Robert Epstein // POLITICO MAGAZINE. – Mode of access: <http://www.politico.com/magazine/story/2015/08>. – Screen name.
 6. Intellipedia [Electronic resource] // Wikipedia: the free Encyclopedia. – Mode of access: <https://en.wikipedia.org/wiki/Intellipedia>. – Screen name.
 7. Gramer R. Denmark Creates the World's First Ever Digital Ambassador [Electronic resource] / R. Gramer // Foreign Policy Magazine – 2017 – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2017/01/27/denmark-creates-the-worlds-first-ever-digitalambassador-technology-europe-diplomacy/>. – Screen name
 8. Kopytoff V. Google has lots to do with Intelligence [Electronic resource]: a little intelligence: Firm working with spying groups, other big government agencies / Verne Kopytoff // San Francisco Chronicle. – 2008. –

- March. – Mode of access: <http://www.sfgate.com/article.php>. – Screen name.
9. Nafeez Ahmed How the CIA made Google: Inside the secret network behind mass surveillance, endless war, and Skynet [Electronic resource]: part 1 / Nafeez Ahmed. – Mode of access: <https://medium.com/insurge-intelligence/how-the-cia-made-googleee836451a959e#.4gfdpxrox>. – Screen name.
10. Shachtman N. Exclusive: Google, CIA Invest in «Future» of Web Monitoring [Electronic resource] / Noah Shachtman. – Mode of access: <https://www.wired.com/2010/07/exclusive-google-cia/>. – Screen name.

УДК 378.4; 316.74:001

Герасимов А.В.
(г. Луганск)

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ
ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Во второй половине 20 века человечество вступило в эпоху грандиозных трансформаций, затронувших все социальные институты, все стороны социального и индивидуального бытия. Осознанию данных процессов посвятили свои работы многие исследователи, но при этом каждый из них, говоря о новом витке истории, о новом культур-цивилизационном проекте, употреблял свою специфическую терминологию. Например, З. Бжезинский [3] говорил о наступлении «технотронной эры»,

Ж. Эллюль определил новое общество как «технологическое», Д. Белл [2] использовал дефиницию «постиндустриальное общество».

Э. Тоффлер [5] критически осмыслив понятия «трансиндустриальное» и «постэкономическое», пришел к категории «супериндустриальное общество». В одном из своих программных произведений «Третья волна» Э. Тоффлер [10] четко говорит о переходе к информационному обществу.

Так называемая «третья волна», по Тоффлеру, ведет к возникновению сверхиндустриальной цивилизации не в результате социальной революции или политического переворота, а благодаря эволюционным технологическим преобразованиям. При этом, Тоффлер моделирует ближайшее будущее информационного социума как некий возврат к доиндустриальной цивилизации, в виде восстановления традиционных систем ценностей, но с использованием новой технологической и социоструктурной основы. При этом, согласно М. Кастельсу [7], в новом, информационном способе развития источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации.

Зарождающаяся эпоха – это время глобальной конкуренции, вследствие обострения геополитических, геоэкономических, социокультурных и информационных конфликтов [4, с. 47–60].

Итак, современное информационное (постиндустриальное) общество зародилось благодаря быстрому развитию новых технологий и массовому распространению компьютеров, новейших средств связи, полимерных материалов, нанотехнологий и т.д.

В современном информационном обществе происходит быстрая трансформация всех сторон

общественной жизни. При этом все более важное положение занимают высшее профессиональное образование (далее – ВПО), наука и связанные с ними наукоемкие технологии производства.

По выражению Белла в доиндустриальную эпоху человек работая, играл с природой [2]. В индустриальном обществе шла работа-игра человека с техносферой, а наступление постиндустриальной эры ведет к гуманизации общественного производства, когда идет игра-работа человека с человеком. Но по нашему мнению данный позитив несет в себе и негативные последствия, ощущаемые уже сейчас. Как заметил Ф.М. Достоевский, человеку легко любить всё человечество, но очень трудно возлюбить своего ближнего. То есть переориентация человека в процессе труда с природы и техносферы на такого, же человека, может приводить (и уже приводит, как показывает общественная практика) к сложнопрогнозируемым социокультурным конфликтам. Например, взаимодействие-игра уровня учитель – ученик, при несовместимости ценностных установок приводит к острым конфликтным эксцессам, что особенно ярко проявляется в последние годы в США. Так в период с 14.12.2012 г. по 02.10.2015 г. в школах США произошли 142 инцидента с применением огнестрельного оружия [9].

Отметим, что понятие глобализация, появившееся в 50-х гг. 20 века, отражало все более растущую взаимозависимость национальных экономик. К концу XX века ученые стали говорить не только об экономической, но и о политической, социально-культурной и экологической взаимозависимости мира, т.е. глобализации.

Некоторые ученые, в частности У. Бек [1, с. 23], полагают, что глобализация ведет к уменьшению роли государства, т.е. к созданию космополитического

общества. Другие, например Иноземцев В.Л. считают [6, с. 32–33], что глобализация была и остается в большой степени экономико-социальным явлением.

Таким образом, сущность процесса глобализации заключается во всеохватывающей интеграции экономико-социального пространства, благодаря чему отдельно взятый человек, в любой точке планеты Земля, уже может взаимодействовать с другими людьми, социальными структурами, ТНК без помощи и посредничества национального государства.

Следует отметить, что национальные системы ВПО внесли решающий вклад в формирование современных наций и несмотря ни на что продолжают оставаться институциональным базисом любой национальной культуры. Но под воздействием глобализации ВПО стремится к преодолению национальных границ. Кроме того, современное состояние национальных систем ВПО характеризуется многообразием высших учебных заведений (далее – ВУЗ), усложнением выполняемых ими функций, а также усиливающейся конкуренцией за человеческие и материальные ресурсы, за место в глобальном пространстве ВПО.

Посредством активно глобализирующейся системы ВПО, осуществляется транснациональное стимулирование всей системы образования, что приводит к ориентации других уровней образования на международные модели и стандарты обучения.

Обратим внимание, что под воздействием процессов глобализации предложение на рынке услуг ВПО растет, выходя за рамки национальных систем ВПО и приобретая трансграничный характер, что ведет к интенсификации борьбы за качество высшего образования.

Таким образом, неоспоримым источником тотальных трансформаций сферы ВПО являются процессы

глобализации. Растущее влияние глобализации раскрывается через усиление процессов международной мобильности, интернационализацию ВПО, а также развитие практик международного сопоставления, ориентацию на лучший мировой опыт и международных рейтингов ВУЗов. Наряду с этим глобализация становится и важным стимулом развития сотрудничества и инноваций в сфере академической науки.

Эксперты ОЭСР считают [8, с. 46], что международное сравнение научной результативности ВУЗов усиливает конкуренцию между ними и, несмотря на заметное упрощение, отражает состояние и уровень развития системы ВПО в международной перспективе.

По мнению Э. Хазелкорн [11], можно выделить четыре источника трансформации в сфере ВПО в современном мире:

1) переход к экономике знаний, при которой базой роста становятся блага и услуги, разрабатываемые новым поколением креативных работников. Большая открытость различных социумов друг другу и снятие традиционных границ и барьеров. Таким образом, эти и другие факторы становятся важными условиями для становления экономики знаний там, где ощущается дефицит талантливых людей;

2) современные демографические процессы, а именно заметное старение населения во многих развитых странах в сочетании с сокращением численности молодёжи, влияющие на качественный состав и численность контингента студентов. При этом, интернационализация ВПО рассматривается как необходимый механизм привлечения иностранных студентов, особенно в отделения ПДО и аспирантуры;

3) трансформация восприятия ВПО – от сферы, требующей существенных расходов со стороны

правительства, к неотъемлемому элементу современной эффективной экономики, в связи, с чем вопросы управления сферой ВПО приобретают высокую значимость для современной образовательной политики;

4) все большая взаимосвязь уровня и стиля жизни, а также карьерных возможностей отдельных личностей с уровнем полученных профессиональных квалификаций определяет необходимость для ВУЗов становиться более клиентоориентированными.

Не следует забывать, что основными потребителями услуг ВПО в современном мире остаются студенты и их родители, однако структура их потребностей усложняется.

Под воздействием глобализации современные ВУЗы разрабатывают маркетинговые стратегии, больше ориентируются на изменяющуюся структуру и потребности потребителей услуг ВПО. Все чаще ВУЗы сталкиваются с необходимостью удовлетворять интересы разных групп потребителей, становиться более открытыми обществу, более интенсивно взаимодействовать с внешними стейкхолдерами.

Для современных ВУЗов ключевыми задачами являются:

- повышение уровня конкурентоспособности и прозрачности;
- укрепление репутации на национальном и международном уровнях.

Итак, наше настоящее – это быстрые социальные и технологические преобразования, экономическая и культурная глобализация, неравенство возможностей, бедность и конфликты, экономические кризисы и политическая дестабилизация. Исходя из этого, ВПО, в широком смысле, может рассматриваться как важное и эффективное инвестирование в развитие общества.

При этом система ВПО выступает социальным институтом (не следует забывать, что в первичном значении образование – это предание некоего образа подрастающему поколению), представляемым в виде открытой саморазвивающейся системы, вырабатывающей процедуры приспособления молодого поколения к трансформациям социокультурной среды. Т.е. система ВПО постоянно продуцирует условия для материально-практической и духовно-идеологической реализации личности в социуме.

ВПО представляют собой один из самых устойчивых, консервативных социальных институтов, своего рода генетической матрицей культуры определенного общества. В соответствии с данной матрицей происходит воспроизводство последующих поколений.

Литература

1. Бек У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – С. 23.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл // Перевод с английского. Изд. 2-ое, испр. и доп. – М. : Academia, 2004. – СLXX, 788 с.
3. Бжезинский З. Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники / пер. с англ И.М. Максимовой. – М. : Прогресс, 1972. – 308 с.
4. Герасимов А.В. Проблема поликультурной и/или мультикультурной идентификации в контексте парадигмы социокультурной конфликтности глобальной системы высшего образования / А.В. Герасимов // Научный журнал «Педагогика и

- психология: теория и практика». – № 3–4 (5). – 2016. – С. 47–60.
5. Гуревич П. Конфигурация могущества [Электронный ресурс] / П. Гуревич. – Вступительная статья к работе Тоффлера Э. Метаморфозы власти. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Toffl/intro.php – Заголовок с экрана.
 6. Иноземцев В.Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире. / В.Л. Иноземцев // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 32–33.
 7. Кастельс М. Информационная эпоха [Электронный ресурс] / М. Кастельс. – Режим доступа : http://www.sd-inform.org/upload/books/Politologija/Social-liberalizm/_studyguides_Kastel.pdf (дата обращения: 04.06.2018).
 8. Маргинсон С. Новый глобальный страновой и институциональный ландшафт Ч. 2: Глобализация / С. Маргинсон, М. ван дер Венде // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2010. – № 3. – С. 46, 62.
 9. США: от огнестрельного оружия погибают больше, чем от терактов [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.bbc.com/russian/international/2015/10/151002_usa_violence_statistics – Заголовок с экрана.
 10. Тоффлер Э. Третья волна [Электронный ресурс] / Элвин Тоффлер. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks. – Заголовок с экрана.
 11. Hazelkorn E. Rankings and the Reshaping of Higher Education. The Battle for the Worldclass Excellence [Электронный ресурс] / E. Hazelkorn. – N.Y.: Palgrave

УДК 321(477)

Карпунов В.Н.
(г. Луганск)

**ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В
УКРАИНЕ: К ВОПРОСУ О НАУЧНОСТИ
ПРАВОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ИЛИ МИФЫ И
РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Развитие украинского государства в первой четверти XXI века породило немало проблем, которые, к сожалению, способствовали внедрению в сознание граждан Украины идеалистических представлений о современном положении страны.

Как ни парадоксально, но этому способствовала Конституция – Основной Закон Украины. Ее несовершенство как результат скоропалительного принятия, многочисленные ошибки в тексте, уже сейчас привели к тому, что появились нескончаемые коллизии, разрешить которые власти не удастся. И в первую очередь это касается утверждения, согласно ст. 1 Основного Закона страны, что Украина является суверенным и независимым, демократическим, социальным, правовым государством.

Данное положение противоречит основному принципу правотворчества – научности, согласно которому юридические нормы должны отвечать достигнутому уровню развития общества, реальным

социальным условиям, закономерностям общественной жизни.

В какой-то мере можно было понять разработчиков нынешнего текста Конституции. Ведь им пришлось работать не только в условиях жесткого политического противостояния, но и политической эйфории независимости. Но с какой бы стороны не подходить к объяснению причин появления в тексте Основного Закона Украины ст. 1 в настоящей редакции, факт остается фактом: Украина никогда не была и не будет (по крайней мере, в обозримом будущем) социальным, правовым государством. А все утверждения, что в данной статье закреплена идея, к которой Украина стремится, вообще нереальны, поскольку в такой формулировке речь идет о социальном, правовом государстве как уже существующем, а не о таком, какое будет построено.

Это, мягко говоря, «забегание» вперед уже сейчас приводит к негативным результатам. На фоне имеющихся и с каждым днем усугубляющихся трудностей экономического, социального развития подрывается в своей основе доверие к самой идее социального, правового государства. Как здесь не вспомнить печальный опыт СССР, политика руководства которого привела не просто к недоверию к социалистическому государству как выразителю интересов народных масс, а к прямому его отторжению, и, в результате, к краху.

На таких примерах нужно учиться, хотя бы для того, чтобы избегать подобных ошибок.

Вот почему в настоящий момент необходимо обеспечить создание принципиально новых, постоянно действующих механизмов, которые бы исключили уже сегодня даже возможность деформации как самой идеи социального, правового государства, так и первых шагов ее становления. А это требует полного отказа, во-первых,

от административно-командных, волюнтаристских методов управления; во-вторых, переосмысления представления о примате государства над правом.

Именно такой подход и будет способствовать продвижению Украины к социальному, правовому государству. В решающей степени это зависит от деятельности власти. Если она на практике будет реализовывать основные принципы социального, правового государства, тогда и будут конкретные результаты, и народ Украины убедится в том, что слова власти не расходятся с делом и страна движется к намеченной цели.

Вторая проблема – реальность и гарантированность прав граждан Украины.

В Конституции Украины сказано, что права и свободы человека неотчуждаемы и нерушимы. В ней также подчеркивается, что права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства, а при принятии новых законов или внесении изменений в действующие законы не допускается сужение содержания и объема существующих прав и свобод.

Однако, следует обратить внимание на существенный разрыв между этими положениями действующей Конституции и реалиями современной Украины.

Ограничение прав и свобод человека стало одним из признаков повседневной жизни украинцев. Об этом наглядно свидетельствует принятый украинскими законодателями дискриминационный закон об обеспечении функционирования украинского языка как государственного. Согласно документу, единственным государственным (официальным) языком в стране является украинский, при этом прямо игнорируется закрепленная в

Конституции Украины норма, согласно которой государство гарантирует свободное развитие, использование и защиту русского и других языков национальных меньшинств в Украине.

Все эти данные наглядно свидетельствуют, что фактически украинская власть, провозгласив создание социального, правового государства, тут же уничтожает его основное предназначение – гарантии прав человека и гражданина. А нормы второго раздела Конституции Украины, по сути дела, в такой ситуации остаются декларацией: их действие парализовано из-за отсутствия правового механизма реализации. В этих условиях вопросы о том, кто именно нуждается в защите, какие права и свободы требуют охраны со стороны государства воспринимаются как риторические.

УДК 327.51(1-11)-049.5

Ладыга Л.И.
(г. Луганск)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТРАН БРИКС В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Взаимодействие в рамках БРИКС в сфере безопасности сосредоточено на проблемах гуманитарной, экономической, энергетической, экологической и информационной безопасности, противодействия терроризму и пиратству, сотрудничеству в космической и технологической сферах [1]. В то же время на углубление сотрудничества в сфере безопасности влияют территориальные противоречия между Китаем и Индией,

технологическое отставание от США и Западной Европы и военное преимущество стран-членов и союзников Североатлантического альянса в геополитическом измерении.

Формат взаимодействия стран БРИКС в сфере международной безопасности реализуется в рамках ежегодного саммита, неформальных встреч лидеров во время встречи глав государств и правительств стран Большой двадцатки, встреч Высоких представителей по вопросам национальной безопасности и рабочей группы по вопросам международной информационной безопасности, а также при необходимости в рамках встреч министров иностранных дел, министров финансов, министров экономики и торговли, министров здравоохранения, министров науки и технологий и министров сельского хозяйства [2]. На международном уровне страны декларируют заинтересованность в росте роли ООН в сфере обеспечения мира и стабильности, совершенствовании механизмов многосторонней дипломатии для борьбы с глобальными вызовами [7]. Заметим, что объединение БРИКС декларирует необходимость предотвращения террористических актов и блокировку источников финансирования террористических группировок, углубляет сотрудничество в трехстороннем формате Россия-Индия-Китай и на уровне Шанхайской организации сотрудничества и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии.

Отметим, что динамика встреч по вопросам безопасности свидетельствует об усилении интереса БРИКС к этой проблеме: в частности первое и второе совещания прошли в рамках ежегодных заседаний стран – в 2009 г. в России и в 2010 г. в Бразилии; третья встреча Высоких представителей стран БРИКС по вопросам национальной безопасности состоялась в Индии в январе

2013 г., а в декабре 2013 г. проведена четвертая встреча в ЮАР; последующие встречи стали плановыми в рамках ежегодных саммитов БРИКС. Кроме того представители стран БРИКС по вопросам национальной безопасности встречались на совещаниях, организованных Россией на протяжении 2010-2018 гг. в рамках ежегодных международных встреч представителей высокого уровня по вопросам безопасности [9; 16]. Следует отметить, что третья встреча Высоких представителей стран БРИКС по вопросам национальной безопасности (Индия, 2013 г.) стала первым совещанием профильных специалистов, во время которой были обсуждены общие международные проблемы, а особо рассмотрены ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке, вопросы информационной безопасности [6; 16]. Можно отметить основные приоритеты и четвертой встречи представителей стран БРИКС по вопросам национальной безопасности (ЮАР, 2013 г.), где стороны обсудили текущую международную и региональную ситуацию, связанную с защитой информации в сети интернет, безопасностью транспортных перевозок, а также конфронтацией в Сирии, Афганистане, Иране и Африке.

В то же время двусторонние консультации Китая и России касались борьбы с транснациональной преступностью, безопасностью двух стран, углубления взаимодействия в рамках ШОС, БРИКС, АСЕАН и других региональных форматов безопасности [14; 15]. Невзирая на разницу экономического потенциала, все страны БРИКС объединяет политическое стремление сохранить себя и свои ценности, превратить растущую экономическую мощь в геополитическое влияние. Учитывая существование двух основных систем коллективной безопасности, которые можно обозначить как универсальную и региональную, страны БРИКС скорее

поддерживают универсальную систему международной безопасности, созданную в рамках ООН, и подчеркивают необходимость укрепления ООН как международного института мира и стабильности и заинтересованности в повышении эффективности ее деятельности [5; 13].

Отметим, что на уровне Высоких представителей по вопросам национальной безопасности было подано заявление о кризисе в Украине, деэскалации конфликта и возможности мирного политического решения в соответствии с Уставом ООН; принято решение о создании группы экспертов стран БРИКС для борьбы с киберпреступностью, которая начала работу над соглашением о сотрудничестве.

Во время саммита БРИКС (2015 г.) были рассмотрены такие проблемы безопасности, о которых не шла речь на предыдущих встречах, как: противодействие распространению экстремизма и его идеологии, борьба с терроризмом, которую, как отмечают представители БРИКС, необходимо проводить на международно-правовой основе с учетом того, что главную ответственность за предотвращение и преодоление угроз, связанных с экстремизмом, должны нести правительства суверенных государств; активизация усилий государств по борьбе с транснациональной организованной преступностью; необходимость объективной оценки уровня рисков в зонах повышенной пиратской опасности с целью снижения последствий для экономики и безопасности прибрежных государств; инициатива рабочей группы экспертов государств БРИКС по вопросам кибербезопасности, обмен информацией и передовой практикой по безопасности использования ИКТ, сотрудничество между странами БРИКС по использованию существующих групп реагирования в сфере компьютерной безопасности, а также разработка

международных норм, принципов и стандартов [11]. Отметим, страны БРИКС заявили, что конфликт на Украине не имеет военного решения и что единственный путь к примирению возможен через инклюзивный политический диалог. В этой связи они призвали все стороны придерживаться выполнения минских соглашений, принятых в феврале 2015 г. контактной группой и поддержанных руководителями РФ, Германии, Франции и Украины и одобренные Советом Безопасности ООН [11].

В целом позиция стран БРИКС по украинскому кризису совпадает с российской, которая объясняется пониманием того, что конфликт спровоцирован странами Запада и в первую очередь США и корпоративной солидарностью, так как страны БРИКС ощутили в разное время на себе попытки США, Великобритании и других стран дестабилизировать ситуацию в своих интересах. В частности в заявлениях БРИКС идет речь о том, что развивающиеся страны не солидарны с Мероприятиями по давлению на РФ в связи с возвращением Крыма. В то же время Китай, который решительно выступает против независимости Тибета и Тайваня, не поддерживает одностороннего изменения украинских границ. Тем не менее, страны БРИКС сделали масштабные усилия, чтобы сохранить нейтралитет во время украинского кризиса [10].

Западные эксперты, объясняя позицию БРИКС относительно украинского кризиса, с сожалением признали невозможность странам Запада диктовать мировому содружеству правила по изоляции России и других стран имеющих особую позицию. Однако БРИКС пытается преодолеть внутренние вызовы через объединение на фоне антизападной риторики, и пытается противостоять попыткам изолировать одного из ее участников [17]. Аналитики замечают, что страны БРИКС

поддерживают Россию, однако во всех странах наблюдается тенденция к распространению сепаратистских движений на их территориях, которые могут вызвать нестабильность, вооруженные конфликты и появление непризнанных государств, которые спровоцируют нарушения национальной безопасности. В частности, Индия имеет давнюю историю плавающих границ и сегодня борется с потенциальным сепаратистским мусульманским движением и угрозой маоистского мятежа. Китай страдает от выступлений тибетцев и уйгуров, которые хотят отделения от КНР. В связи с напряженной геополитической ситуацией в директивах КНР уделено внимание долгосрочному укреплению оборонного потенциала государства и развитию вооруженных сил как инструмента поддержки внутривластной стабильности [3; 8]. За последние годы все чаще слышны призывы к отделению провинции Кейп от Южной Африки, а Бразилия давно столкнулась с сепаратистским движением на юге страны, населения, иммигрировавшего из Европы. В России также существует сепаратистские группы, которые могут изнутри изменить политическую институализацию страны. Отметим, что поддержка странами БРИКС России свидетельствует о наличии антизападной позиции на глобальном уровне, которая может привести к противостоянию с Западом на уровне ООН. Об этом свидетельствует и протест 69 стран, которые воздержались от голосования, или проголосовали против резолюции ГА ООН, которая осудила бы крымский референдум. Это был первый, открытый, протестный вызов для системы глобального управления с подавляющим доминированием западных стран. Некоторые специалисты считают, что период западного доминирования, который наступил после завершения

холодной войны, завершается, однако новый мировой порядок еще не сформирован [17].

Наблюдается тенденция к углублению политико-экономического взаимодействия в рамках БРИКС, однако в сфере международной безопасности страны будут придерживаться положений национальных стратегий безопасности в результате существования объективных противоречий и дифференцированного подхода к сотрудничеству с другими геополитическими центрами силы. Китай рассматривает членство в БРИКС как инструмент поддержки собственного лидерства в противовес США, тогда как ЮАР пытается удержать лидерские позиции на африканском континенте и стать главным посредником в решении внутриконтинентальных конфликтов [4; 18].

Следовательно, мы считаем, что трансформационные сдвиги, которые происходят в современной системе международных отношений, влияют на глобальные политические, экономические процессы, которые одновременно с тенденциями регионализации предопределяют появление новых центров силы, способных изменить международный политический баланс и усилить политическую институализацию, экономическое партнерство и взаимодействие в сфере безопасности неформальных объединений как потенциальных международных акторов. Теперь каждая из стран БРИКС заинтересована в развитии многостороннего диалога в формате групп по определенным направлениям сотрудничества, считая объединение потенциальным механизмом для участия в глобальном управлении и инструментом обеспечения национальных интересов.

Структуризация БРИКС как неформального международного актора может рассматриваться в рамках встреч политических лидеров и отраслевых

высокопоставленных должностных лиц, а также компетентных рабочих групп, советов, форумов, консорциума, которые решают весь комплекс политических и экономических проблем образования. В политической плоскости – это институализация и организация политических отношений, которые предопределяют создание взаимоприемлемых норм, принципов и процедур, предназначенных для стабилизации международного взаимодействия и эффективного функционирования БРИКС; в экономической плоскости – это партнерство БРИКС с использованием имеющихся ресурсов и потенциала стран для конкурентоспособности в международной экономической среде, недопущения экономических ограничений для стран с динамическим развитием; в плоскости безопасности – это развитие военно-технологического сотрудничества, общая позиция по урегулированию региональных и локальных конфликтов, противодействие терроризму, преступности и пиратству, то есть идет речь о вероятном альтернативном центре экономического и политического влияния глобального уровня.

Фактор взаимодействия БРИКС в сфере безопасности проявляется в использовании форума как инструмента по укреплению международного авторитета стран группы, как деятельность по обеспечению стабильности, основанной на принципах суверенитета и территориальной целостности других государств, достижения межцивилизационного понимания. Одним из аспектов сотрудничества определено участие стран БРИКС в дискурсе безопасности в рамках ООН, однако перспективы углубления взаимодействия в сфере безопасности зависят от понимания и согласованности позиций, которые характеризуются дифференцированным

подходом в защите национальных интересов, существованием территориальных споров и сотрудничеством с другими геополитическими центрами силы.

Литература

1. Андреев Ю.В. БРИКС: через сотрудничество – к безопасности? / Ю.В. Андреев // Пути к миру и безопасности. – 2013. – № 2(45). – С. 127-129.
2. БРИКС – формы диалога и сотрудничества [Электронный ресурс] // МИД РФ – 2015 – Режим доступа : <http://www.mid.ru/brics.nsf/0/A8FF0CE48A>
3. В Китае опубликован доклад о национальной безопасности страны [Электронный ресурс] // Международное радио Китая. – 2014. – Режим доступа : <http://russian.cri.cn/841/2014/05/06/1s510374.htm>
4. Зайцева М.В. Концепт международной безопасности в стратегии стран БРИКС / М.В. Зайцева // Новая парадигма: Журнал научных трудов. – 2014. – Вып. 123. – С. 155-165.
5. Марусин И. БРИКС и перспективы создания новой системы международной безопасности. [Электронный ресурс] / И.С. Марусин // Бюллетень Национального комитета по исследованию БРИКС – № 7, июль 2012. – Режим доступа : www.mid.ru/brics.nsf/bull_BRICS07.pdf
6. Невара А. БРИКС предлагает бороться с организаторами пиратства [Электронный ресурс] // РИА-Новости – 2013. – Режим доступа : <http://ria.ru/politics>
7. Никонов В. Слово главного редактора [Электронный ресурс] / В. Никонов // Стратегия России. – 2013. – № 4. – Режим доступа : <http://sr.fondedin.ru>

8. Правительство Китая опубликовало «Белую книгу» по национальной обороне [Электронный ресурс] // Новости Китая. – Апрель, 2013 – Режим доступа : <http://china24news.com/>
9. Пресс-конференция официального представителя МИД КНР Хун Лэя [Электронный ресурс] – 7 января 2013. – Режим доступа : <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/t1004038.shtml>
10. Страны БРИКС отвергают западные санкции в отношении России [Электронный ресурс] // РБК – 25.03.2014 – Режим доступа : <http://www.rbc.ru>
11. Уфимская декларация (принята по итогам седьмого саммита БРИКС) [Электронный ресурс]. – г. Уфа, Российская Федерация, 09 июля 2015 года – Режим доступа : www.brics.mid.ru/bdomp/
12. Форталезская декларация (принята по итогам шестого саммита БРИКС). [Электронный ресурс]. – г. Форталеза, Бразилия, 15 июля 2014 года – Режим доступа : <http://www.brics.mid.ru/>
13. Хенкин С.М. Восходящие государства-гиганты БРИКС: роль в мировой политике стратегии модернизации [Электронный ресурс] / С.М. Хенкин; Отв. Ред. Л.С. Окунева, А.А. Орлов // Бюллетень Национального комитета по исследованию БРИКС – № 7, июль 2012 – Режим доступа : www.mid.ru
14. Ян Цзечи встретился с советником премьер-министра Индии по национальной безопасности Шив Шанкармом Меномом [Электронный ресурс] // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. – 2013. – Режим доступа : <http://kz.china-embassy.org/rus/gyzg/t1106723.htm>
15. Ян Цзечи встретился с секретарем Совета Безопасности РФ Н. Патрушевым [Электронный ресурс] // Посольство Китайской Народной

- Республики в Республике Казахстан. – 2013. – Режим доступа : <http://kz.chinaembassy.org/rus/gvzg/t1106724.htm>
16. BRICS. High Representatives on National Security [Электронный ресурс] // Ministry of External Affairs, Government of India. – March, 2013. – Режим доступа : <http://www.mea.gov.in/in-focusarticle.htm/BRICS>
 17. Keck Z. Why Did BRICS Back Russia on Crimea? [Электронный ресурс] / Zachary Keck // The Diplomats – March 31, 2014 – Режим доступа : <http://thediplomat.com>
 18. Zaitseva M. Information and security components of the Russian foreign policy / Mariia Zaitseva // Informacijos mokslų. – 2014. – Vol. 70. – P. 58–68.

УДК 323,2:394(47)

Делянченко В.Н.
(г. Луганск)

**ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ
ОРИЕНТИРЫ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ
ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Изменения, произошедшие в Советском Союзе в перестроечный период, существенно ускорились после XXII съезда КПСС (1986 г.) и стали скачкообразными во многих областях жизни общества того времени. По своим масштабам, глубине и последствиям эти изменения приняли революционный характер. Многие их сравнивают с «десталинизацией». Но на наш взгляд, в тот период не ставился вопрос о существенных изменениях в самом политическом и экономическом механизме, однако в ходе «перестройки» эти вопросы стояли в центре внимания.

«Перестройка» и в ее фарватере происходящие события ломали стереотипы об СССР как о малоподвижном обществе. Однако, спустя некоторое время стало очевидно, что эти представления о Советском Союзе были не верны и через некоторое время ностальгия по утраченному наследию возвращается в старое русло.

Представления «новой» молодежи и ценности современного общества основывались на относительно малой подверженности изменениям советской политической системы и экономического механизма после того, как они сложились в 30-х годах и получили свое завершение в 50-х годах. Однако необходимо заметить, что после «развала» СССР, на постсоветском пространстве резко изменилась социальная структура общества, уровень его образованности, культуры, смена традиций, привычек, ценностных ориентаций, системы информатизации и организации труда, общественная психология в целом. Большую роль сыграл исторический опыт, который убедил в неэффективности и неприемлемости ряда социально-экономических и политических постулатов, используемых в 80-е годы [1].

Сегодня сдвиги в производственной и культурной сфере широко известны на постсоветском пространстве и не требуют особых комментариев. Увеличились масштабы производства по сравнению с 80-90 годами XX века, стал иным уровень и качество потребительского спроса, информационная среда; мобильная связь и Интернет расставили свои акценты. Существование и действие в современном мире потребовало радикальных перемен и соответствующих откликов на вызовы западных партнеров. В этих условиях новые политические, социальные и политические модели потребовали качественно иных подходов. И они стали заменяться посредством вливания свежих, инновационных идей

информационного общества, посредством фей-ти-технологий, хотя и с элементами опоздания из-за объективных факторов финансирования и иных бюрократических позиций.

Но главные изменения на постсоветском пространстве в плане идей ценностного мировоззрения, произошли в политической сфере. Именно в этой области произошли наиболее значимые перемены. Общая демократизация предшествовала другим радикальным преобразованиям. Демократия стала главной ценностью постсоветского пространства и в первую очередь как основа политической жизни современных молодых людей. Демократия стала тем основным звеном, которое повлекло за собой всю цепь исторических, культурных событий и повлияла на общее направление изменений в социально-культурно-экономических связях. Впервые на постсоветском пространстве люди столкнулись с таким понятием как многопартийная система. Многопартийную функцию стали выполнять конкретные различия в программах и практической работе политических деятелей, чему способствовало разделение функций между законодательной, исполнительной и судебной властью, средства массовой информации, процесс формирования институтов гражданского общества.

Сегодня о многих вещах говорят открыто и люди привыкли, что этот процесс необратим и необходим. Сегодня подвергаются критике в масс-медиа, со страниц таблоидов и в сети Интернет деятельность высокопоставленных чиновников, проходят открыто антикоррупционные процессы [2]. Список подобных процессов опубликован в сети Интернет, пополняется и говорит о том, что современные элементы демократического общества, гласности на постсоветском пространстве – не временная кампания, а неременное

условие развития современного государства и общества. В государствах СНГ постоянно присутствуют органы контроля за демократией и независимостью органов вещания. Проводятся регулярные интернет-опросы граждан и телемосты глав государств с руководителями регионов и гражданами. Так, регулярно проходят подобные мероприятия с участием глав государств в Российской Федерации, Белоруссии, ДНР и ЛНР [3].

В настоящее время в Луганской Народной Республике как в строящейся республике, разработан постоянно действующий «Закон об органах местного самоуправления», который существенно расширил права руководителей территорий на местах [4]. В настоящее время актуальность принятия указанного закона обусловлено абсолютно новой ситуацией, поскольку повышается самостоятельность предприятий на уровне территорий ЛНР и помимо выполнения государственных планов, все большее значение приобретает прибыль, которую получает предприятие, существенную часть которой может использоваться для увеличения доходов и удовлетворения социальных нужд населения территорий Луганской Народной Республики.

Подводя итоги, необходимо заметить, что на примере ЛНР, как молодого государства, в плане ценностных ориентиров принимаются меры по расширению внутренней демократии, разделения и становления всех ветвей власти, развития гражданского общества, что имеет особое место в ключевом становлении Луганской Народной Республики как достойной в ряду государств современной формации.

Литература

1. Прорыв: Становление нового мышления. Сов и зап. ученые призывают к миру без войн / Редкол.: Анат. Громыко, М. Хеллман (рук.) и др. – М. : Прогресс, 1988. – 368 с.
2. Уровень коррупции в странах мира в 2018-2019 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://visasam.ru/emigration/vybor/strany-po-urovniu-korruptcii.html> Дата обращения 21.03.2019
3. Молодежный телемост Ровеньки – Сочи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rov-adm.su/molodezhnyu-telemost-rovenki-sochi/> Дата обращения 1.04.2019
4. Закон ЛНР об организации деятельности органов местного самоуправления в переходный период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lug-info.com/documents/one/zakon-lnr-ob-organizatsii-deyatelnosti-organov-mestnogo-samoupravleniya-v-perekhodnyi-period-50>. Дата обращения 1.04.2019

УДК 32:477/«571»

Кучер К.В.
(г. Луганск)

УКРАИНА КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «АНТИРОССИЯ»

Сегодня на Украине, в том числе и с помощью обществоведов, создан «украинский национальный проект» как антироссийский, антирусский, как западный конструктор, навязанный восточнославянскому населению

Украины. Так, например, Л. Шеслер пишет, что «проект “Украина как Антироссия” можно считать реализацией многовекового плана полного уничтожения Русской цивилизации. И никогда в истории отношений Украины и России этот проект не был так близок к своему полному воплощению» [1].

С подачи прозападных украинских обществоведов появилось представление, что «Украина – это антироссия», а не опора России на международной арене, это постоянный источник вражды и противодействия российским ценностям» [1]. Уже можно констатировать, что разрушена историческая и идеолого-политическая концепция триединого русского народа, предполагающая образ русского народа как «совокупности великороссов, малороссов и белоруссов» [2]. Судьба страны во многом зависит от того, насколько научное сообщество сможет решить проблемы упорядочения конкурирующих систем знаний, поэтому представляется целесообразным разделить аргументы украинских социологов на несколько кейсов.

Важнейшим на пути утилизации русской идентичности стал исторический фактор. «История каждого региона, наряду с “жемчужинами” общей великой истории, всегда хранит и “скелеты” своей региональной боли и противоречий, на которых можно играть», – считает Т. Хагуров [3]. Суть проекта «Украина как Антироссия» заключается в широкомасштабной кампании по вытаскиванию «из исторических шкафов “скелетов” и сокрытию “жемчужин” совместного исторического прошлого».

Так, например, утверждается, что на «Украине Вторая мировая война началась с 1 сентября 1939 года, именно после оккупации СССР части Польши и стран Балтии, присоединения западных областей к УССР и

массовой зачистки местного населения силами НКВД и насильственной коллективизации и массовых переселений людей» [4]. Можно утверждать, что с возникновением подобной точки зрения на даты совместного прошлого и происходит переоценка исторических событий. «Историческая память о советском периоде развития и конструирование мифов об этом прошлом в России и на Украине основывается на разных архивах, документах, памяти людей», – считает украинский социолог [4].

Все сложные и противоречивые, а порой трагичные моменты советской истории трактуются прозападными украинскими социологами в обвинительном духе, с искажением исторической картины мира. «Распад СССР не геополитическая трагедия, – считает украинская коллегосоциолог, – а закономерный процесс распада нежизнеспособного конгломерата, в котором жизнь и права человека ничего не стоили, а масштабы обмана по поводу истории, идеологии (одной для масс и тотального цинизма для правящей верхушки) и достижений были сфальсифицированы. Достижения советского времени, по сути, были секонд-хендом, содраным с западных технологий после репараций из Германии и массового вывоза оборудования и технической документации в Советский Союз. Создавались эти достижения сверхусилиями ученых в концлагерях, так, например, работал Королев и его команда» [4]. Утверждается, что сформировалось целое «поколение, которое уверено, что в таком обществе жить нельзя, люди старшего поколения, в свою очередь, понимают, что их детям не подходит такое общество» [4].

Можно констатировать, что после возникновения независимого украинского государства в 90-х годах в политическом и научном сообществах республики обострились дискуссии о Голодоморе 1932–33 гг. и

геноциде украинского народа. Аргументами в пользу пересмотра совместной истории Украины стали отсылки прозападных украинских социологов к «пережитым страданиям», «репрессиям и голодомору». Неизменно муссируется следующая точка зрения: «Украина в результате коллективизации получила раскулачивание, массовый искусственно созданный голод 1932–33 гг., который унес жизни более 3 млн украинцев». Далее утверждается, что «на Украине это было “крепостное право”, поскольку работали за “трудодни”, а не за деньги, и паспортов жители сельской местности СССР не имели. Возможность переезжать туда, куда хочется, украинцы получили в 1974 году» [5]. И в те же 1932–33 гг. СССР экспортировал зерно на Запад.

Справедливости ради следует отметить, что большинство российских и украинских экспертов считает, что в начале 30-х годов в СССР в областях Кубани, Поволжья и некоторых областях УССР имел место неурожай, приведший к голоду и гибели крестьянского населения. Однако в лучшем случае российские историки соглашаются с виной большевистского руководства, полностью отрицая этнический характер этих трагических событий [6].

Для того чтобы понимать аргументацию прозападных украинских социологов, необходимо помнить, что в начале 1990-х годов украинское общество пережило первый кризис идентичности. Политические элиты Востока и Запада Украины говорили тогда на разных языках. Восток – с технократических позиций, языком экономики и государственности. Запад взывал к архетипам этничности, к религии и нарушенной Россией исторической справедливости [4]. Сегодня аргументация прозападных украинских социологов построена на утверждении, что главными врагами Украины являются

русские («москаля») и в целом все Российское государство. Так, например, утверждается, что «массовые чистки украинской интеллигенции – сначала в Киеве, в 20–30-е годы, когда столицу перенесли в Харьков и был короткий период политики развития украинских школ, театра, литературы, а затем с 1934 г. в Харькове, когда столицу перенесли в Киев, называется “расстрелянное возрождение”» [4]. Высказывается сожаление о том, что у этих «репрессированных, заморенных голодом, расстрелянных, увы, не осталось прямых потомков, которые могли бы нести их портреты на демонстрации “бессмертного легиона”. И все же мы их знаем, помним, гордимся и не исключаем из своей истории как “неудобные элементы”» [4].

Для разрушения совместной истории на уровне украинского научного сообщества продолжается борьба с советскими символами и русским языком. Базовая идея о том, что «Украина – не Россия», имеет под собой не только исторические основания, но и социальные особенности развития последних 25 лет десоветизации Украины. Например, утверждается, что на Украине «другие люди, они думают иначе, чем русские», «русскоязычные украинцы – не равно русские».

Выставляется политическая составляющая слова «русский», поскольку утверждается, что «русскоязычными украинцами могут быть этнически и евреи, и армяне, и русские, и белорусы, и грузины, и крымские татары», то есть «все кто угодно по этническому признаку».

Специалистам хорошо известен тот разворот обществоведов на Украине от идеи политической нации к идее этнической нации, который они совершили вместе с украинской элитой в нулевые годы. Ими утверждалось, что «во всей Украине есть одна коренная украинская нация, так называемых коренных или национальных меньшинств

не существует, а есть лишь этнические меньшинства или группы – русские, татары, немцы, греки, евреи и др. Поэтому Украина никогда не была многонациональной. Украина государство однонациональное» [8]. «К жителям Юго-Востока Украины относились пренебрежительно, называли их “генетическим мусором”. При этом жители Галичины нарочито превозносились. Им приписывались некие особые качества – богоизбранность, пассионарность, культурность», – пишет В. Горелов [9].

Этнический же «украинский русский» или русскоговорящий украинец, считает евроориентированный украинский социолог, – это «тот, кто является гражданином Украины, уважает свою страну Украину, знает язык и историю своей страны, строит свою жизнь здесь, делает хорошо свое дело и заботится о том, что оставит потомкам» [4].

Утверждается, что на протяжении 25 лет постсоветского пересмотра совместной истории «никто никого не притеснял, ни по национальным, ни по языковым, ни по религиозным основаниям». Утверждается, что «русско-язычных школ была масса, вузы тоже преподавали на том языке, какой предпочитали студенты». И задается вопрос: «А могло бы быть такое, чтобы в каком-нибудь российском вузе, в российских школах преподавание было на украинском языке? В Москве был один единственный украинский культурный центр – знаешь, что с ним стало?» [10].

В результате недвусмысленных утверждений в условиях дефицита информации, а иногда и по надуманным причинам, происходит преувеличение и переосмысление фактов, о которых нет достоверной и достаточной информации, и факты искажаются (в психологии этот феномен называется «каузальная атрибуция» – *прим. автора*).

Такова, например, эмоциональная реакция одного из украинских социологов: «Я была в шоке от того, что у вас снова есть запрещенная литература, – считает она, – закрытые сайты, не говоря об архивах (в т.ч. КГБ). Еще один принципиальный момент, это отношение к инакомыслию и инакомыслящим – начиная от введения цензуры, статьи УК РФ, сфабрикованные судебные процессы, снова появление политзаключенных и убийства (журналистов, оппозиционеров), равно определение всех, кто думает не так, как диктует официальный дискурс, как врага – «иностранного агента», «пятой колонны». С перспективой нового «железного занавеса» с запретом на выезд. Это уже было в СССР и, увы, повторяется в новых условиях» [4].

Обращают на себя внимание также вопросы и последующие утверждения прозападных украинских социологов: «Почему в РФ нет референдума как механизма волеизъявления граждан? Не потому ли, что общество построено по вертикали власть – подданные, сверху – вниз, и никакое мнение людей (множественных действующих субъектов) никому не интересно» [4].

Конечно же, удар всех психо-исторических и информационных войн всегда направлен на ценности. Ценности европейского выбора Украины не ставятся под сомнение, утверждается, что «несмотря на массовое разочарование, удалось сохранить европейскую геополитическую ориентацию». Так, Е. Головаха констатирует, что, по данным соцопросов, «большинство людей считает себя лично в проигрыше от последствий Майдана. Считают, что жить стало хуже. Но эти же люди не считают Майдан ошибкой и не считают, что Украина в перспективе проиграла. Они готовы потерпеть еще, ради перспективы государства, ради детей и внуков. Так что власть не лишила их надежды и не довела до

отчаяния» [10].

Еще одним важным ценностным измерением на современной Украине является «вопрос интеграции в НАТО, который находит все больше поддержки у украинцев, и такого высокого уровня поддержки этой перспективы никогда не было. И падает процент тех, кто был категорически против вступления Украины в НАТО. Это произошло за последний год», – считает Е. Головаха, и объясняет это следующим образом: «Власти удалось сохранить надежду людей на то, что европейский выбор – это правильно» [10].

Здесь можно вспомнить Олеса Бузину – он называл «профессиональных украинцев» украинскими фашистами, которые еще в конце XIX века знали, что навязать свой язык, новую историю и создать новую «державу» можно лишь одним способом – «пройти через миллионы трупов» [10].

Базовые основания в расхождении трансформационных векторов в РФ и на Украине состоят, по мнению прозападных социологов, в том, что в России произошло закрепление вертикали власти (основанной на восстановлении силовых структур – КГБ-ФСБ и армии), их сращивании с криминалом и в поглощении бизнес-структур государством. На Украине сформировались более горизонтальные точки роста и как следствие – более мелкие региональные элиты, которые были вынуждены балансировать и договариваться как между собой, так и с малым и средним бизнесом. Именно поэтому на Украине «гражданское общество все-таки стало формироваться как субъект, и, в отличие от России, ротация власти происходила на Украине с помощью развития горизонтальных связей».

Нельзя игнорировать политтехнологический инструментарий, с помощью которого прозападные

украинские социологи конструируют политические мифы как способ поддержки исповедуемых ценностей, как некую «правовую» основу для идеологических построений в условиях, когда большая часть общества Украины столкнулось с новыми, непонятными и неподконтрольными ей проблемами. Мифологизируется концепция социальной Истины, связанная с источником национальной истории и культуры, образом будущего и глубокой оппозицией понятий «Мы – украинцы» и «Они – русские».

Предметом манипулирования в проекте «Украина как Анти-Россия» стали межнациональные отношения и геополитика России. В сознание украинцев, в том числе с помощью социологов, внедряется образ врага – «москалей», которые «не братья», и которые «уничтожают украинцев, то есть “своих”, связанных единым происхождением, родственными языками и культурными скрепами». Так, утверждается, что «Украина... за все 23 года ни разу ни с кем не воевала и не собиралась», а вот Россия «принесла войну во все соседние страны, которые пошли своим (а не российским) путем развития» [8].

И далее аргументы доводятся до абсурда: «факт, который в официальной (цензурированной) картине мира России подается как «братская помощь», но эта «помощь» оружием, гибелью людей, братоубийственной войной, слезами мужчин и матерей, жен, детей, тысяч людей и разрухой во всех территориях, куда достала «братская помощь». «И все это во имя мифических геополитических интересов, надуманной угрозы мифологических «бандеровцев» и коварных американцев» (кроме стран Балтии, которые успели вступить в ЕС и НАТО – *прим. автора*).

Таким образом, территории Украины с помощью логики украинских прозападных обществоведов

формируется общество, которое должно в итоге стать активно антирусским. Все эти процессы были запущены на Украине с разрушением СССР под лозунгом Л. Кучмы «Украина не Россия» и через 25 лет доведены именно прозападными украинскими обществоведами до кульминационного эпатажа.

Следует отметить, что и в самой России подобные мысли нередко звучат с экранов телевидения и по радио. В связи с этим российскому научному сообществу необходимо осознать, что окончательной целью проекта «Украина как Анти-Россия» является сама Россия, перевод антироссийских ценностей на территорию нашего государства. Сегодня разделительной чертой между Россией и Украиной являются Донецкая и Луганская Народные Республики, где защищаются русские ценности, и именно эта часть Донбасса является Анти-Украиной настолько, насколько Украина является Анти-Россией. Можно с полной ответственностью утверждать, что именно там, в ДНР и ЛНР, защищают Русский мир и борются за сохранение России.

Литература

1. Шеслер Л.В. Украина как ключевая часть проекта «Антироссия». Доклад на научно-экспертной сессии «Проект Антироссия»: реконструкция и вероятность «успеха» 23 сентября 2017 г. Москва [Электронный ресурс] / Л.В. Шеслер. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/> (Дата обращения 01.04.2019).
2. Словарь патриота Отечества. – Донецк, 2017. – С. 126.
3. Хагуров Т.А. На краю пропасти. Девиантологические этюды об образовании, культуре и политике : Сб. /

- Т.А. Хагуров. – Краснодар: Парабеллум, 2015. – С. 31.
4. Интервью август-сентябрь 2016 г. – Севастополь, социолог пожелал остаться неизвестным.
 5. Головаха Евгений «Сегодня есть все предпосылки для настоящих перемен» [Электронный ресурс] / Евгений Головаха // Правда Украины, Киев, 13.12.2013. – С. 4. – Режим доступа: <https://dlib.eastview.com/browse/doc> (Дата обращения 01.04.2019).
 6. Соболев Ю. Украинский феномен [Электронный ресурс] / Ю. Соболев // Зеркало недели. Киев, 16.05.2009. – Режим доступа: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/> (Дата обращения 01.04.2019).
 7. Посредников Д.В. Политико-идеологический кризис украинской государственности / Д.В. Посредников // Материалы I Международной научной конференции «Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности». Т.7. Социально-политические, исторические науки / Под общ. ред. Беспаловой С.В. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2016. – С. 247.
 8. Широкоград А.Б. Крым – 2014. Как это было? Хроники современности / А.Б. Широкоград. – М. : Вече, 2016. – С. 34–35.
 9. Горелов В.Н. «Чегевара прилетает утром...» / Горелов В.Н., Донец Г.Г., Кажанов С.П. и др. Воспоминания сепаратистов. – Севастополь : «Телескоп», 2015. – С. 28.
 10. Головаха Е. Война впервые научила украинцев помогать друг другу / Евгений Головаха – Режим доступа: <http://news.liga.net/interview/politics> (Дата обращения 01.04.2019).

Миндюкова А.В.
(г. Луганск)

**РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»
НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ТРАНЗИТИВНЫХ
ГОСУДАРСТВ**

На протяжении последних десятилетий «цветные революции» прошли по многим государствам постсоветского пространства и в странах бывшего социалистического блока. На одних они повлияли положительно, для других наоборот. Если углубляться в терминологию, то понятие революция происходит от позднелатинского слова *revolutio* (поворот, переворот, превращение, обращение) – радикальное, коренное, глубокое качественное изменение общества или познания, сопряженное с открытым разрывом с предыдущим состоянием. Безусловно, главные причины революции скрываются в самом государстве, где она происходит и лучшая профилактика революций – это принимать продуманные и взвешенные решения по управлению государством, противодействовать оппозиционным уличным демонстрациям. Но и этого может быть недостаточно. Историческая практика уже не раз доказала правильность ленинского утверждения: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «наткаться» на эти общие вопросы» [3].

Одними из первых «цветных революций» были – «Бархатная революция» (бескровное свержение коммунистического режима в Чехословакии в 1989 г.), затем «Поющие революции» в Прибалтике в 1989–1990 гг.,

вырвавшие латышей, эстонцев и литовцев из состава Советского Союза. Далее были «Бульдозерная революция» в Югославии (2000 г.), «Революция роз» в Грузии (2003 г.), «Оранжевая революция» на Украине (2004 г.), «Тюльпановая революция» в Киргизии (2005 г.), «Революция кедров» в Ливане (2005 г.), попытка «Васильковой революции» в Белоруссии (2006 г.), попытка «цветной революции» в Армении (2008 г.), попытка «сиреневой революции» в Молдавии (2009 г.), вторая «Дынная революция» в Киргизии (2010 г.), вторая «Жасминовая революция (или Финиковая, Голодная, Багетовая)» в Тунисе (2010–2011 гг.), «Дынная революция (или Твиттерная, Молодёжная, Горчичная, Курортная, Пирамид, Финиковая)» в Египте (2011 г.), «Революция достоинства» (более известная как «Евромайдан») в Украине (2013–2014 гг.) и др. [1].

«Цветная революция» – это революция XXI века, революция неправительственных организаций, революция времен глобализации, которая имеет свои особенности. Одна из особенностей – это отстранение руководства от власти осуществляется как мирными, так и насильственными методами. Право соблюдается не в процессе событий, а после них – когда все произошедшее квалифицируется как правовые действия. Во время самих действий оппозиция смело идет на нарушение закона, но при этом практически не применяется физического насилия, и не используется оружие. В качестве ключевого момента выступают выборы, где оппозиция заранее заявляет о своей победе, а любые другие данные объявляет фальсификацией. Главным методом воздействия считается массовые демонстрации в центре города, блокирование и захват ключевых правительственных зданий [4].

Революция происходит, как правило, не в авторитарных странах, а в полудемократических, где, с

одной стороны, существует режим внешней власти, а с другой – оппозиция может пользоваться почти всеми возможностями открытого общества. «Цветные революции» организуются не контрэлитой, а наоборот частью старой элиты, которая в предыдущие периоды была у власти, потом была отправлена в отставку, затем перешла в оппозицию и подняла идеологические лозунги. Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод о значительном влиянии происходящих «цветных революций» на политические процессы, а также на общество и государство.

Первое и главное различие – во время «цветных революций», в отличие от «бархатных», отсутствуют человеческие жертвы. Второе различие – «цветные сценарии» не несут в себе глубоких политических, социальных и экономических преобразований в государстве, где они происходят. Третья – главными действующими лицами во время «цветных революций» является оппозиционная молодежь, в то время как во время «бархатных переворотов» – революционные массы составляют люди различных социальных и возрастных категорий [2].

В революционных потрясениях новейшего времени огромную роль играет организационно-информационная и финансовая поддержка антисистемных сил из-за рубежа, при этом в стране может даже не быть предпосылок для революционной ситуации. В современном мире давлению подвергаются режимы лишь тех стран, в ресурсах, стратегическом или геополитическом положении которых заинтересован Запад. Иными словами, «цветные революции» инициируются в тех регионах, которые попадают в орбиту интересов ведущих игроков мировой системы.

Более того, можно сделать вывод, что «цветные революции» произошли лишь в трех странах: Грузия, Украина и Киргизия. В Югославии произошла не «цветная революция», а «бархатная», так как страна спустя некоторое время после переворота пережила глубокое политическое и социальное изменение, которое закончилось окончательным распадом страны. Такую же ситуацию можно было наблюдать, когда после «бархатного переворота» распался СССР [5].

Сегодня, быть может, еще рано говорить об окончании эпохи «цветных революций». Посмотрев на пример других стран – достаточно сделать несколько опрометчивых решений и поступков, и власть, раз и навсегда потеряет доверие к себе со стороны народа, что может привести к печальным последствиям. В конечном итоге на наших глазах происходит реанимация холодной войны, технологии и средства ведения которой, серьезно модернизированы, а одними из них и являются «цветные революции».

Литература

1. Арутюнов А. 12 цветных революций (часть 2) [Электронный ресурс] / А. Арутюнов. – Режим доступа: <http://fashi-onprotest.ru/114.html>. Дата доступа: 01.04.2019.
2. Интернет-газета Гарри Каспарова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kasparov.ru/note.php?id=45127B200FFD0>. Дата доступа: 02.04.2019.
3. Ленин В.И. Отношение к буржуазным партиям. ППС. Т. 15 [Электронный ресурс] / В.И. Ленин. – Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/402517>, свободный.

4. Малинкович В. «О причинах «оранжевой революции» в Украине» [Электронный ресурс] / В. Малинкович // сборник «Оранжевая революция». Украинская версия – М. : Европа, 2005. – Режим доступа:
http://www.igpi.ru/monitoring/ukraine/new_ukr/revolution/ - 1118840376.html. Дата доступа: 03.04.2019.
5. «Цветные революции» // Молодёжная исследовательская группа NOTA BENE [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://nbenegroup.com/regime/regime.html>. Дата доступа: 01.04.2019.

УДК 32.019.5(4)

Петришина С.В.
(г. Луганск)

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В Европе история регуляции средств массовой информации начинается с середины XV века – начала применения печатного станка для книгоиздания. Сначала печатание было просто альтернативой копированию рукописных текстов вручную и формально не регулировалось, хотя на практике это происходило преимущественно под надзором власти, церкви или государства. Когда в начале XVI века печатное дело расширилось, церковь и государство начали больше внимания уделять тому, что печатается и публикуется, особенно с целью борьбы с ересью или инакомыслием.

Впоследствии это привело к появлению лицензирования и возникновению цензуры. Экспорт и импорт книг также начали контролировать или запрещать.

Новый этап регуляции деятельности СМИ связан не только с необходимостью обеспечения соблюдения прав человека, но также с техническими изобретениями конца XIX века, в частности электрического телеграфа, а затем телефона и беспроводной связи, что привело к возникновению публичного радиовещания с 20-х годов прошлого столетия. Все эти средства массовой информации были урегулированы на уровне национального законодательства с учетом положений международных соглашений, которые касались преимущественно технических требований (например, распределение радиочастот).

Однако в этот период также начинает зарождаться механизм международно-правовой регуляции деятельности СМИ. Начало международно-правовой регуляции положила Международная конвенция об использовании радиовещания в интересах мира 1936 года.

На протяжении XX века трансляция средств массовой информации (радио и телевидение) была наиболее регулируемой из всех средств массовой информации, и они никогда не достигли степени свободы, которой пользуются печатные СМИ, а также новые СМИ.

Эволюция правовой регуляции деятельности СМИ в Европе XXI века связана с историей европейского интеграционного процесса. Регулирование деятельности СМИ в ЕИП происходит одновременно по нескольким направлениям:

1. Регулировании деятельности СМИ как особенной формы предоставления услуг;
2. регулировании деятельности СМИ как формы хозяйственных субъектов;

3. регуляция деятельности электронных СМИ и электронных коммуникационных сетей;

4. регуляция деятельности журналистов.

Вместе с тем урегулированными не все виды деятельности СМИ, а только аудиовизуальные услуги. Сначала, как и в других случаях, принимались акты мягкого права – зеленые и белые книги, которые должны были констатировать существующую ситуацию, определить проблемы, которые существуют, и предложить возможные пути гармонизации законодательства.

1. 1980–1990 годы. Характеризуется тем, что были сформированы восходящие принципы деятельности СМИ как субъектов ведения хозяйства. На уровне ЕС СМИ были признаны частью свободного движения товаров, услуг, капитала. Однако ни одной компетенции формующей единую общую информационную политику ЕС не получил. На уровне Совета Европы формируются общие принципы функционирования трансграничного телевидения;

Аудиовизуальный сектор в Европе приобрел совсем новое измерение в конце 1980-х годов, что связано с быстрым техническим прогрессом, в том числе увеличением количества телекоммуникационных спутников и появлением первых европейских спутников прямой телетрансляции.

В 1984 г. Комиссия ЕС обнародовала Зеленую книгу «Создания общего рынка вещания», был предложен проект Директивы «О трансграничном телевидении» и определена концепция общего вещания. Ключевым положением настоящего документа в контексте предмета исследования стало то, что Договор об основании Европейского Содружества относится не только к экономической деятельности, но также «ко всей деятельности, которая осуществляется за вознаграждение, независимо от того,

осуществляется ли она в экономической, социальной, культурной, спортивной или какой-то другой сфере». Это положение является ключевым в контексте правовой регуляции статуса СМИ в учредительных договорах. Анализ настоящих договоров позволил обобщить, то, что они должны применяться к СМИ через призму принципа свободы обращения товаров (ст. 30), услуг (ст.ст. 59–66), капитала и сотрудников (ст. 48), а также принципов свободной конкуренции (ст.ст. 85–93)

В последующем к разработке сферы правовой регуляции приобщился Европейский парламент, который в своих резолюциях отмечал, что европейская идентичность может развиваться только тогда, когда европейцы будут проинформированы должным образом, а регуляция деятельности масс-медиа будет происходить не только на национальном уровне. В 1988 г. Комиссия расширила свои планы, приняв новый документ «На пути к общему европейскому аудиовизуальному рынку».

Это привело к необходимости установления единого подхода к регуляции аудиовизуальных СМИ и принятию Директивы Совета № 89/552/ЕЕС «О координации некоторых положений, определенных законодательством, нормативно-правовыми или административными актами в государствах членах касательно ведения радиовещательной теледеятельности» (в 1989 г.), которая способствовала формированию единого подхода к правовому статусу европейской аудиовизуальной продукции, введения в систему специальных квот и определив стандарт, которого все европейские языковеды должны придерживаться. Кроме того, принята Директива 97/36/ЕС и Директива 2007/65/ЕС «Об аудиовизуальных медиа-услугах». Последняя вносит изменения и дополнение к Директиве Совета 89/552/ЕЕС о координации некоторых положений, определенных

законодательством, нормативно-правовыми или административными актами в государствах-членах касательно ведения радиовещательной для теле деятельности» (в 2007 г.), и Директивы 2010/13/ЕС Европейского парламента и Совета, «О согласовании некоторых положений, установленных законом, правилами или административными действиями, в государствах-членах ЕС, которые касаются предоставления аудиовизуальных медиа-услуг (Директива об аудиовизуальных медиа-услугах)» (в 2010 г.), которая упразднила предыдущие директивы, кодификации их норм (теперь действующая).

Целью телекоммуникационной политики ЕС является максимально возможная реализация полномочий Союза путем либерализации, дерегулирования и приватизации телекоммуникационных технологий. В рамках гармонизации законодательства относительно электронных СМИ и электронных коммуникационных сетей сначала были приняты рекомендательные акты: Рекомендации 84/549 от 12 ноября в 1984 г. «Что касается осуществления гармонизации в области телекоммуникации» и Зеленую книгу «Относительно развития общего рынка телекоммуникационных сервисов» (в 1987 г.), которой определены восходящие принципы регуляции этой сферы: 1) государства-члены могут оставить телекоммуникационную инфраструктуру в условиях монополии, однако должны сохранить целостность сети в любом случае; 2) среди услуг только голосовая телефония может быть оставлена в условиях монополии; 3) другие услуги должны быть либерализуемыми.

2. 1990-2000 годы. Характеризуется выработкой общеевропейских стандартов и установлением минимальных общеевропейских требований к

аудиовизуальной продукции, которая произведена в государствах-членах ЕС. Именно на этом этапе начинается институционализироваться европейская информационная политика;

Стоит отметить, что в рамках новых подходов к цифровым СМИ Комиссия в 1999 г. разработала «Сообщение о принципах и руководящих положениях для аудиовизуальной политики Содружества в эпоху цифровых технологий». Согласно сообщению, политика ЕС должна строиться, исходя из следующих принципов: четко должна быть определена цель политики; быть минимально необходимой для достижения этих целей; последующее повышение правовой определенности, которая основывается на рынке; технологической нейтральности; применение принципа пропорциональности; разобщение технической регуляции передачи сигнала о содержания передачи; нормативно-правовая база должна гарантировать эффективную защиту общих интересов общества; признание роли общественного вещания и необходимости обеспечения прозрачности его финансирования; саморегулирования, при этом регулирующие органы должны быть независимыми от правительства и операторов.

В то же время попытка принять определенную специальную директиву относительно обеспечения экономического и информационного плюрализма в СМИ на протяжении 1990-х годов заканчивалась неудачей. После многочисленных консультаций, в 1997 г., Комиссия представила новый текст проекта «Медиа-собственность», предложив «положение о гибкости, которое позволило бы государствам-членам индивидуально устанавливать пороги концентрации собственности».

Позже был принят другой рекомендательный документ – Белая книга «План ускорения европейской

интеграции» (т.н. Пакет Делора) (в 1994 г.), которая очертила последующие пути развития интеграции в Союзе, в том числе через развитие новых телекоммуникационных мероприятий. Тогда же был обнародован Доклад М. Бангемана «Информационное общество – вызов для Европы» (в 1994 г.), где впервые вводится термин «информационное общество» в документах ЕС. В нем было дано определение информационного общества для целей ЕС – «общество, в котором деятельность людей осуществляется на основе использования услуг, которые предоставляются с помощью информационных технологий и технологий связи».

В 1999 г. была принята программа «Электронная Европа» (eEurope), которая предусматривала социализацию информационной сферы: «Каждый гражданин ЕС, в каждом доме, школе, магазине и офисе, должен быть связан с цифровой эрой и подключен к сети; процессы должны быть социально открытыми, укрепить доверие потребителей и обеспечить социальную сплоченность».

3. 2000–2010 годы. Характеризуется формированием подхода к системе регуляции аудиовизуальных СМИ в Европе в контексте развития информационного общества. Основное внимание сосредоточено на государственной поддержке общественного вещания и плюрализме медиа, происходит активизация европейской информационной политики в направлении информационного общества и электронных услуг;

Системный подход к вопросу концентрации в сфере СМИ наблюдается с 2004 года с принятием регламента 139/2004 о слиянии. В этом же году была принята Белая книга Европейской комиссии об услугах, которые представляют общий интерес, а также несколько отчетов и

резолюций Европейского парламента. Основная идея, заложенная в документах, сводится к тому, что вопрос концентрации в сфере СМИ должен решаться на уровне национального законодательства.

Совет Европы признал, что такой подход Комиссии к решению проблемы владения средствами массовой информации был эффективным. Вместе с тем Совет отмечал, что законодательство ЕС о конкуренции почти не учитывает неэкономические факторы, что делает его недостаточно эффективным в противодействии возможным угрозам плюрализма, в том числе и трансграничной концентрации ресурсов. Уже в 2007 году комиссары В. Рединг и М. Вальстрем отметили то, что «СМИ сталкиваются с коренными изменениями и реструктуризацией в связи с новыми технологиями и глобальной конкуренцией, а поддержка плюрализма средств массовой информации имеет решающее значение для демократического процесса в государствах-членах и в ЕС в целом». В связи с этим был предложен новый подход, который состоял из трех этапов: 1) Комиссия готовит рабочий документ относительно плюрализма СМИ, в котором анализирует особенности функционирования аудиовизуальных и печатных медиа-рынков государств-членов; 2) разработка объективных показателей оценки плюрализма средств массовой информации в государствах-членах ЕС; 3) по результатам Комиссия издает сообщение о показателях плюрализма СМИ в государствах-членах ЕС. Таким образом, происходит смещение акцентов в регуляции СМИ из вопросов концентрации на вопрос обеспечения плюрализма.

Планировалось, что третий этап должен завершиться до 2014 г. Это означает возможность принятия через несколько лет соответствующего европейского законодательства. Однако процесс затормозился в 2009 г.

Официальная версия Сообщения Комиссией не была представлена, а общественные консультации не были проведены. Следовательно, теперь можно согласиться, что на уровне ЕС отсутствует законодательная регуляция обеспечения плюрализма в государствах-членах. Однако Лиссабонский договор предусматривает, что «свобода и плюрализм медиа должны уважаться» (п. 2 в. 11). Вопреки принципу плюрализма ряд СМИ имеет право претендовать на получение государственной помощи. В первую очередь, речь идет о том, что такую помощь могут получать лишь «публичные предприятия», а сама помощь должна содействовать «развитию отдельных видов хозяйственной деятельности» или «культуре» (ст. 107 п. 3). Причем предоставление такой помощи должно происходить под контролем Комиссии ЕС (ст. 108). Поэтому отдельный вопрос в контексте становления правовой регуляции деятельности средств массовой информации в Европе – это регуляция общественного вещания. В 1997 г. в рамках Амстердамского договора был принят специальный протокол, посвященный особенной разновидности аудиовизуальных СМИ – общественному вещанию. Лиссабонский договор (в 2007 г.) изложил этот протокол в новой редакции: № 29 «О системе публичного вещания в государствах-членах». Согласно протоколу общественное вещание рассматривается как «выполнение задания публичной службы», которое следует рассматривать как предоставление услуг, важных для общества в целом, а также организации, которые обеспечивают предоставление такого рода услуг. Документ предусматривает и внедрение особого исключения из запрещения государственной поддержки для общественного вещания, что «непосредственно связано с демократическими, социальными и культурными потребностями каждого общества, а также с необходимостью хранить плюрализм в

средствах массовой информации». В связи с этим государства-члены имеют право предоставлять финансирование общественному вещанию при трех условиях: вещание должно быть определено и организовано каждым государством-членом; финансирование не должно искажать условия торговли и конкуренции внутри ЕС и противоречить общим интересам; должна учитываться реализация задания, которое положено на общественное вещание.

В понимании категории «общественное вещание», определение его критериев, а также особенностей предоставления государственной помощи существенный вклад сделал Суд ЕС, который отметил, что главное отличие между частным и общественным языковедом, который имеет право на государственную помощь, заключается в характере редакционной политики: государственный языковед обязан включить в вещание широкий спектр программ, а частный оператор решает, что отвечает его экономическим потребностям, и ведет соответствующую коммерческую деятельность».

Таким образом, общественный языковед должен соответствовать следующим характеристикам: а) вещание на всей территории страны (стоцентное техническое покрытие); б) соответствие интересам большинства граждан; в) принципиальная независимость от государства, бизнес- и политических групп; г) непосредственное и количественно участие абонентов в финансировании; д) широкая обратная связь с обществом; е) редакционная политика направлена на развитие общенациональной идентичности, консолидацию и гуманизацию общества, повышения его, культурного и образовательного уровня; ж) особое внимание уделять проблемам меньшинств в обществе.

В 2000 г. была принята Лиссабонская стратегия, пропагандировавшая в ЕС экономику нового типа – «экономика знаний», которая основывается, в первую очередь, на информационных технологиях, функционирующая в условиях либерализации рынка.

4. 2010–2020 годы. Характеризуется тем, что в условиях реализации стратегии экономического развития ЕС на 10 лет, отдельное внимание уделяется плану развития цифровых технологий в Европе. Наблюдается четкая тенденция к созданию общего цифрового рынка ЕС и делаются попытки предоставить больше полномочий ЕС в сфере СМИ.

В рамках «Инициативы 2010», которая, в сущности, является «перезапуском» Лиссабонской стратегии, было отмечено, что «традиционный контент (например, фильмы, видео, музыка) теперь доступный в цифровых форматах. Такие новые услуги, которые «родились цифровым форматом», интерактивное программное обеспечение..., большие объемы медиа становятся доступные в новых, многообразных форматах и могут быть предоставлены вне зависимости от места или времени, персонально для отдельных граждан относительно их востребований». В документе были определены такие цели: 1) перестройка единого европейского информационного пространства; 2) инвестиции в исследование информационных и коммуникационных технологий; 3) установление «инклюзивного» Европейского информационного общества.

Также в рамках «Инициативы 2010» был отмечен важный момент: потребность комплексного подхода к информационному обществу и политике касательно аудиовизуальных СМИ в ЕС. Эту норму можно рассматривать как предложение к предоставлению более

широких полномочий ЕС в сфере СМИ, учитывая создание информационного общества.

Отдельным вопросом, который следовало разрешать в рамках европейского информационного пространства, стал вопрос «технологического нейтралитета». Эта категория была введена в законодательное поле ЕС Директивой 2002/21/ЕС, согласно которой технологический нейтралитет – это отсутствие приоритета одной информации над другой (п. 18).

BEREC постановила в 2016 г. Рекомендации относительно осуществления национальными регуляторными органами европейских правил сетевого нейтралитета. На развитие отмеченной инициативы в 2010 г. было принято сообщение Комиссии «Европа 2020 – стратегия умного, стойкого и всеобъемлющего роста», частью которого является «План развития цифровых технологий в Европе». Документом предусмотрена необходимость создания стабильной законодательной регуляции, которая будет содействовать привлечению инвестиций в открытую и конкурентоспособную высокоскоростную интернет-инфраструктуру, и соответствующие услуги.

Среди основных векторов развития европейской информационной политики на современном этапе можно выделить такие направления: развитие аудиовизуальных СМИ; конвергенция телекоммуникаций и медиа; развитие новых СМИ.

Литература

1. Гнатовский М.М. Европейское пространство. Концепция и современные проблемы / М.М. Гнатовский. – К. : Лучи, 2005. – 224 с.

2. Есимов С.С. Аспекты процесса интеграции национальных средств массовой информации в информационное пространство Европейского Союза [Электронный ресурс] / С.С. Есимов. – URL: <http://science2016.lp.edu.ua/sites/> (дата обращения: 22.02.2019).
3. Залесский Б.Л. Европейское информационное пространство и средства массовой информации. Жыццём і словам прысягаючы...: да 90-годдзя заслуж. работніка адукацый Рэсп. Беларусь, д-ра філал. навук, праф. Міхася Яугенавіча Цікоцкага: зб. навук. прац / пад агул. рэд. д-ра філал. навук, праф. В.І. Іучанкава. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2012. – С. 216–226.
4. Ошитко О. Нормативне регулювання інформаційних відносин у Європі [Электронный ресурс] / О. Ошитко – Віче. – 2011. – № 10. – URL: <http://www.viche.info/journal/> (дата обращения: 22.02.2019).
5. Палагнюк Ю.В. Регулирование рекламы и спонсорства в аудиовизуальных медиа Европейского Союза / Ю.В. Палагнюк // Научные труды. Политология. – 2009. – Том 110. Выпуск 97. – С. 123–127.

**Сало Д.С.
(г. Луганск)**

МИГРАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ ДНЯ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Влияние глобализации на процесс миграции населения – это процесс, в ходе которого большая часть социальной активности приобретает мировой характер, в котором географический фактор теряет свою важность или становится незначительным в установлении и поддержании трансграничных экономических, политических или социокультурных отношений.

Миграции, как неотъемлемая часть современного миропорядка является фактором, принципиально меняющим отношения между более развитыми странами и менее развитыми. Поскольку мигранты для развитых стран представляют дешёвую рабочую силу, а для менее развитых обеспечение возвратных финансовых потоков в виде денежных переводов мигрантов. Таким образом, международная миграция приобретает такое значение для экономического развития обеих групп стран, какого она не имела прежде. Через механизм международной трудовой миграции происходит взаимное восполнение дефицита факторов производства: более развитые страны получают дополнительную рабочую силу, то есть труд, без которого их экономике не обойтись, а менее развитые страны через денежные переводы получают дополнительный капитал, который стимулирует развитие их экономики.

Миграция как показатель зависимости между странами, усиливается и приобретает взаимный характер, преобразовываясь в процесс глобальной

взаимозависимости выражающаяся в развитии международной кооперации производства, и международного разделения труда.

Беженцы как отдельный вид мигрантов, которые вынуждены искать более благоприятные условия жизни эмигрируя целыми семьями. Как правило, они имеют неплохой трудовой потенциал не собираются возвращаться на прежнее место жительства.

Миграция как социально-политическая проблема. Постоянные миграции трансформируют роль границ государства в номинальную маркировку территории, и размывание национальной идентичности приграничных территорий путём частичной ассимиляции.

В современных государствах происходит заметное изменение этнодемографической структуры населения как следствие миграционных процессов.

Многие развитые государства лояльно относятся к миграционной ситуации, принимая в свою страну мигрантов, тем самым решая демографическую проблему старения населения и заполняя рынок труда новыми кадрами.

Миграция как культурная и национальная проблема. Как правило, миграции происходят в пределах присущей цивилизационной группы, из-за схожего языка, культуры, религии и т. д., посредством чего происходит усиление цивилизационного влияния и идентификации.

При активных межцивилизационных миграциях происходит столкновение их интересов, что в результате приводит к конфликту коренного населения и мигрантов, сказывается сильное культурное и религиозное различие.

Проблема ассимиляции приезжих при массовой миграции, чем больше их приезжает, тем больше поддаётся диффузии национальная идентичность страны и

повышается риск протестных движений среди коренного населения.

При большой доле миграции в государство появляются риски нарушения однородности населения, размывания национальной идентичности, видоизменения культурных ценностей и дестабилизация религиозной составляющей в результате чего электорат коренным образом преобразуется, поставив власти перед выбором, либо создавать новую политическую программу для охвата интересов нового электората, либо ужесточение миграционной политики и усиление ассимиляции мигрантов в обществе.

Но данные видоизменения политической системы отразятся и на коренном населении, приводя к росту антимиграционных настроений и в дальнейшем активизация радикально настроенных националистических группировок, которые могут действовать, как и против мигрантов, так и против власти поддерживающую их.

Таким образом, миграция в политической повестке дня современных государств занимает важное место, обуславливая решение проблем во всех сферах жизни общества. Современные миграционные процессы, являются следствием глобализации, политической модернизации, нового витка контроля за пространством. В дальнейшем рост миграции из стран третьего мира в более развитые страны приведет к межцивилизационному взаимовлиянию, формируя при этом цивилизационные центры, каждый из которых представлен как результат локальной глобализации.

Литература

1. Ефимов Ю.Г. Миграция в современном политическом процессе [Электронный ресурс] /

- автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра полит. наук (23.00.02) / Ефимов Юрий Германович; Ставропольский аграрный университет. – Ставрополь, 2007. – URL: <http://dislib.ru/politologiya/> (Дата обращения: 01.04.2019)
2. Ивахнюк И.В. Международная миграция как ресурс развития [Электронный ресурс] / И.В. Ивахнюк. – URL: <https://studfiles.net/preview/> (Дата обращения: 29.03.2019)
 3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 246 с.

УДК 321

Бунеев В.Д.
(г. Луганск)

**«МАЯТНИК МЕТАМОДЕРНИЗМА» НА
СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

*«Никогда не забывай, важна
не доброта, а эволюция
сознания. Наш враг – не зло.
Наш враг – невежество»
**Бернар Вербер «Империя
ангелов»***

Смена эпох, является закономерностью бытности человеческого прогресса. Со сменой, приходят новые веянья, новые знания, новые возможности. Данная специфика продиктована эволюцией, в первую очередь

изменение сознания человека определит переход к следующему шагу в его истории.

Современный этап взаимоотношений в обществе уже находится в эпохе метамодернизма. Для того чтобы понять и прочувствовать изменение в культурно-исторической и общественно-политической парадигме, необходимо привести небольшую ретроспективу событий и значимых дат, и привести точное определение понятию метамодернизм.

Как эстетической форме метамодернизму – маятнику, раскачивающемуся между изжившим себя постмодернистским цинизмом и наивным модернистским пафосом, – свойственно выражение посредством нового романтизма: чувственного, почти интимного, не без взгляда сквозь призму постмодерна, переосмысления воззрений и идей, сформулированных Кантом.

Необходимость семантического определения современной эпохи возникла после восходящих в культуре и искусстве тенденций отказа от постмодернистской насмешки, постмодернистского отрицания бытия, самих разрушительных идей постмодернизма.

Значимые же даты смены парадигмы приводятся разные. Каждая по-своему позволила подвести итог перед закатом постмодернизма, и вводом чего-то нового и неизведанного, впоследствии представляющей собой Метамодернизм. В первую очередь стоит отметить, термин неомодернист появился еще в 1975 году, когда Масуд Заварзаде использовал его для описания кластера эстетики или взглядов, появившихся в американских литературных повествованиях с середины 1950-х годов. Но в эпоху постмодерна, данные заметки не имели никакого влияния, ибо новые идеи приживаются не сразу, тем более в другой исторической парадигме.

Беря во внимание постмодернизм, к его ярким представителям уже на закате эпохи часто относят Фрэнсиса Фукуяму, и его первую книгу «Конец истории и последний человек». Данный труд можно отнести к одному из последних осмысленных оплотов эпохи постмодерна, книга датируется выходом в свет в 1992 году. Книга получила высокий резонанс в прессе и обществе, однако все те доводы, которые были приведены автором, довольно характерно не осуществились или осуществились в минимальном объеме. Характерный постмодернизм можно проследить во 2 и 3 части книги, где автор подводит черту под эволюцией человечества, где выдвижение и становление либерального курса одержит верх над другими образованиями. Данное мнение довольно характерно для эпохи постмодернизма, где представитель данной эпохи больше не надеяться на лучшее со стороны других людей, где опрометчиво и иронично высмеивается кризис идей, способных противопоставить что-либо либеральному мироустройству.

Следующим шагом в истории, является дата 11 сентября 2001 года, многие ученые считают данное событие как «ворота для смены эпохи», но такое суждение было временным. Ибо ученые провели параллель смены прошлых эпох, а именно модерна и подлеющего за ним постмодерна.

Сюда уместно приложить историческую справку. Для модерна было характерно переход от эпохи просвещения, где торжество науки преобладало в обществе, к эпохе романтизма и последующей индустриализацией, созданием фабрик и паровых машин. Также немало важной чертой эпохи модерна были общественно-социальное сознание тех людей. Оно проявлялось в простоте и изяществе, интересный лозунг того времени «завтра будет лучше, чем вчера». Здесь был уместен некий

оптимизм в глазах и умах людей, которые надеялись на светлое будущее, без войн и социальных катастроф. Люди объединялись в сообщества, коммуны, и вместе строили планы на дальнейшее будущее, без оглядки на прошлое. Будет уместно мнение одного из представителей того времени Эдварда М. Фостера, английский романист и писатель, для которого было чистой воды недоумение «как люди различных социальных групп, не способный принять и понять позиций друг друга». Таким образом, характерная черта эпохи модерна была грация во взаимоотношениях людей, и вера мир безмятежный, чтобы было по своей сути антонимом для предыдущих эпох, где царили войны, злоба и предательство.

Однако, полной неожиданностью для многих как эгалитарных, так и элитарных кругов общества кон. XIX нач. – XX-го века, произошел кризис, всего того, что диктовала эпоха модернизма. В 1914-го года прогремела Первая мировая войны, которая полностью разрушила те стереотипы, на которых держался осознанный мир во вт. пол. XIX–нач. XX века. Война положила начало для формирования новой мировоззренческой парадигмы в обществе и соответственно политической среде. Новая эпоха увидела свет примерно через 20-лет. Её же мотивы были довольно просты, отрицание всего того прошлого наследия, которое позволило бы человечеству объединить знания мира сего. Постмодерн открыл эпоху абсолютного плюрализма. Постмодерн сочетает в себе всё прошлое наследие человечества и деконструирует его, играя с ним, иронизируя, цитируя и копируя. Французский социолог Жан Бодрийяр назвал этот процесс созданием, так называемых симулякров – бесконечных копий, где оригинал навсегда потерян. Для постмодерна игра с культурным наследием прошлых эпох превратилась в самоцель. Постмодерн в культурном плане создал ту

самую массовую культуру, которую мы наблюдаем сейчас. В постмодерне истина перестала быть универсальной. Конечно, эпоха Холодной войны ставит под сомнение это утверждение, потому что до конца 80-х годов мир был поделён на два враждующих лагеря: коммунистический и демократический. Но постмодерн проявил себя, в первую очередь, именно в демократических странах, а уже потом пришёл в страны Варшавского договора после падения «железного занавеса». Этим фактом можно объяснить несостоятельность коммунистической идеи: сложно находиться в статичной парадигме, когда прогрессивный мир стремительно уходит вперёд. Можно сказать, что модернистский коммунизм морально устарел к концу XX века, не выдержав ударов постмодернистских молотков по Берлинской стене.

Опять обусловленная смена парадигмы будет зависеть от технического прогресса. На смену постмодерну, придёт метамодерн, или постпостмодерн это термину придерживаются старшее поколение ученых. Метамодернизм появился благодаря двум голландским философам: Тимофею Вермюлену и Робину ван дер Аккеру, в их эссе «Notes of Metamodernism» (2010) новое течение связывается с возможностью преодоления постмодернистской иронии и развитием нового романтизма. Возможно, именно на их идеях впоследствии возник «Манифест метамодернизма» (2011). Этот термин пришел уже на смену постпостмодерну, и к его характеристикам часто приписывают сам процесс существования человека, т.е жизнь «здесь и сейчас» в конкретный момент, часто без оглядки на последствия. По их мнению, метамодерная чувствительность «может быть понята как своего рода информационная наивность, прагматический идеализм», характерный для культурных реакций на недавние глобальные события, такие как

изменение климата, финансовый кризис, политическая нестабильность и цифровая революция. Они утверждали, что «постмодернистская культура релятивизма, иронии и подделки» закончена, заменив постидеологическое условие, которое подчеркивает вовлеченность, аффект и рассказывание историй.

Приставка «мета» здесь относился не к рефлексивной позиции или повторному размышлению, а к метаксии Платона, что означает движение между противоположными полюсами, а также за их пределами. Вермулен и ван ден Аккер описывали метамодернизм как «структуру чувства», которая колеблется между модернизмом и постмодернизмом, как «маятник, размахивающий между бесчисленными полюсами».

Таким образом, метамодернизм представляет собой еще одну веху в истории развития сознания человека и его взаимодействия с техническими достижениями и прогрессом. Связанные с этим выстраивание пока что общественно-культурного поведение людей, которые положат начало в формировании нового политического сознания в будущем, которое пересмотрит все предыдущие парадигмы, и вряд ли принесет хорошие изменения в наше будущее. Ведь те люди, которые подвержены отрицательной стороне метамодерна, для которых важен процесс действия, основанный исключительно на получении эмоций и наслаждения, впоследствии привлекая невежество, без опаски за будущее, эти люди чаще внушают недоверие и подозрение в их ненадежности. Как и было сказано, век информационных технологий породит своих детей, и если эти люди будут принимать исключительно отрицательный вектор направления, которого в метамодернизме просто изобилие (принесший с техническим прогрессом), то человечество будет

подвержено интеллектуальной стагнации, и неким откатом назад.

Литература

1. Notes on metamodernism suggestions [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.emerymartin.net/>
2. Арсланов В. Теория и история искусствознания. XX век. Постмодернизм / В. Арсланов. – М. : Академический Проект, 2015. – 304 с.
3. Барабаш Н. Телевидение и театр. Игры постмодернизма / под ред. Н. Барабаш. – М. : Ленанд, 2015. – 184 с.
4. Демпси Э. Модернизм и современное искусство / под ред. Э. Демпси. – М. : Ад Маргинем, 2016. – 176 с.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть ; пер. и вступительная статья С. Н. Зенкипа / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
6. Манифест метамодернизма в перевод [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://eroskosmos.org/>
7. Метамодернизм, как новое искусство [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://metamodernizm.ru/>
8. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма ; под ред. М. Левина. – М. : АСТ, 2015. – 630 с.

Олейник В.А.
(г. Луганск)

НЕОБУРЖУАЗИЯ: ПРЕДВЕСТНИК КРАХА КАПИТАЛИЗМА

«Буржуазия именно такова, какой я ее рисую в своих романах: если в моих сочинениях много грязи, так это потому, что ее и в жизни столько же».

Эмиль Золя

В мире всегда существовало неравенство в распределении богатства и доходов: между государствами, классами, социальными группами и отдельными людьми. В капиталистическом мире это неравенство постоянно росло и продолжает расти: богатые богатеют, бедные – беднеют.

Изменение величины богатства и стремительный рост неравенства отразились в изменениях не только социальной структуры общества в целом, но и в структуре верхних слоёв мирового капиталистического класса.

Примерно с 1980-х годов на вершине пирамиды мирового капиталистического класса сформировалась новая группа, особая глобальная элита, намного более могущественная, как пишет Д. Дюкло, чем любая другая группа жителей планеты, и, как подчёркивает Д. Роткопф, определяющая повестку дня для 99% населения. Эта группа напрямую связана с глобализацией, она – её порождение и бенефициар.

Называют этот глобальный класс по-разному: глобократия, космократия, новый верхний класс (НВК); бобо (Дж. Брукс: bourgeois bohemians – «буржуазная богема»); суперкласс (Д. Роткопф); гипербуржуазия (Д. Дюкло).

Эта новая группа людей отличается от других в нескольких отношениях:

- она возникла и существует на финансовой основе, практически не связанной с реальным производством;

- она глобальна – не интернациональна, а наднациональна; для ее представителей государство и всё, что с ними связано, – это давно забытое прошлое;

- в силу ее функциональности в ней оказываются те, кто содержательно имеет к капиталу минимальное отношение;

- в силу глобальности и криминального характера глобальной экономики – среди представителей существуют лица из криминальных кругов.

Роткопф даёт такое совокупное описание того, что он называет «суперклассом»: «Руководители государств, исполнительные директора крупнейших мировых компаний, медиамагнаты, миллиардеры, активно распоряжающиеся своими капиталами, предприниматели – пионеры новых технологий, нефтяные бароны, частные инвесторы-акционеры, верхушка военной иерархии, немногие выдающиеся религиозные лидеры, горстка знаменитых писателей, учёных и художников, даже вожди террористических организаций главы преступных синдикатов...».

Возникновение необуржуазии обусловлено процессом глобализация и то, что К. Лэш назвал «восстанием элит»; последнее обусловило финансиализацию и глобализацию капитала в той же степени, в какой было обусловлено ими. Если со времён

Первой мировой войны и Октябрьской революции развивалось «восстание низов», совпавшее с доминированием производительного капитала над банковским (промышленного – над финансовым), то с 1970-х годов ситуация начинает меняться.

Сверхбыстрое обогащение – характерная черта необуржуазии. В октябре 2006 г. в британском журнале «Экономист» была опубликована статья с показательным названием «Сверхбогатые: всегда с нами». В ней были приведены следующие цифры. Между 1990 и 2004 гг. нижние 90% американских домохозяйств в среднем увеличили свой доход на 2%, тогда как верхние 10% – на 57%, верхние 0,1% – на 85%, а верхние 0,01% – на 112%.

Хотя необуржуазия формально находится в своих странах, в принципе она ориентируется на надгосударственный уровень и готова в любой момент поступиться национальными интересами. Очень хорошо на примере Франции это показала А. Вагнер в работе «Новые элиты мондиализации» (Париж, 1998). Проанализировав международные анклавы во всех промышленно развитых странах, она отметила, что успехи именно на наднациональном уровне становятся главным фактором успеха финансистов, чиновников, «знаковых аналитиков» на национальном уровне (классический французский пример – Макрон). Необуржуазия стремится переписать историю таким образом, чтобы минимизировать в ней присутствие нации и государства.

Следует отметить, что необуржуазия заинтересована в притоке мигрантов не только по политико-экономическим причинам и не только в мультикультурализме – самом по себе. И мигранты, и мультикультурализм – это, помимо прочего, средство разрушения традиционных ценностей европейской цивилизации, включая гражданско-правовые и

религиозные, стоящие на пути идущей к концу капиталистической системы. В этом плане необуржуазия – антицивилизационная, антиевропейская буржуазия.

Какова же реальная численность этого нового класса в США? Социологи говорят о группе с годовым доходом 517 тыс. долл. и более на семью из трёх человек и определяют её численность в 2,4–2,5 млн человек. В США это чуть меньше 1% населения. Однако продолжает существовать «старая буржуазия», а также группы, не связанные с финансами, современными коммуникациями и управлением. В то же время 2,4–2,5 млн человек – это только американская, пусть и самая большая часть НВК. На ряду с ней еще есть Европа, Япония, Китай, Индия, Бразилия, Россия и другие страны.

Говоря об американском сегменте, Ч. Марри подчёркивает, что именно из этих 2,4–2,5 млн человек рекрутируется нынешняя правящая элита, которая таким образом, перешла в режим самопроизводства, блокируя социальные лифты или, как минимум, резко ограничивая их функционирование. Это качественно отличает её от правящей элиты 1950–1960-х годов. В 1963 г., в отличие от 2010 г., в Америке хорошо работали «социальные лифты», т.е. постаравшись, можно было реализовать американскую мечту. Сегодня это почти невозможно, неслучайно вышедший несколько лет назад бестселлер известного американского журналиста Хедрика Смита называется «Кто украл американскую мечту».

То, что ныне именуется «узкой элитой» (т.е. небольшой слой на самом верху социально-политической пирамиды), существовало и в 1960-е годы. Однако это, как подчёркивают американские социологи, не была группа, в которой все имели одно и то же происхождение, одни и те же вкусы, бытовые привычки, учились в школах для элиты и т.п. Нынешний НВК

совершенно иной. Одна из главных его черт – растущее отчуждение от американского общества, незнание и непонимание страны, в которой они живут. Все они получили образование в элитарных школах и практически ничего не знают о том, как живут не только низшие классы, но и средний класс. Полвека назад такого почти не было. К примеру, в кабинетах Эйзенхауэра и Кеннеди было только два представителя истеблишмента, остальные – выходцы из народа, что резко контрастирует с администрациями Буша и Обамы. Тогда богатство означало просто наличие большого количества денег, обеспечивавшего более высокий, но не качественно иной стандарт жизни, чем у основной массы населения. Нынешнее отличие богатых людей в Америке от обычных этим далеко не исчерпывается, оно выражается в принципиально иной культуре, ином быте, иных ценностях, ином стиле жизни.

Особое место в жизни НВК занимает планирование будущего детей: они учатся в элитарных школах среди себе подобных и принципиально отсечены от реальной жизни обычной Америки. Из элитарных школ они поступают в элитарные университеты. Как показал в работе «Власть привилегии» Дж. Соарес, в 1990-х 79% студентов из колледжей и университетов первого уровня, т.е. самых престижных и богатых, вышли из верхних 25% американского общества, тогда как из нижних 25% – только 2%. В элитарных школах верхушка находится в собственном окружении, её образование принципиально отличается от повседневного опыта людей.

Данная сегрегация проявляется и в том, как и где размещаются различные социальные группы. Например, в Нью-Йорке НВК сконцентрирован в верхнем Ист-Сайде между 59 и 96 улицами, именно здесь проходит Музейная миля (здесь самые лучшие отели, магазины и т.д.). Здесь

живут люди с высоким уровнем дохода и высоким уровнем образования, тогда как к северу от Центрального парка живёт население, 67% взрослого сегмента которого не смогли окончить среднюю школу, а медиана их годового дохода – 40 000 долл. В реальной, а не чисто статистической жизни отсюда надо вычесть почти половину за налоги, в итоге – высокий уровень бедности.

Доходы НВК вместе с полученным образованием, связями и образом жизни изолирует его представителей от остальной Америки. Представителю американского НВК более близки люди такого же типа и статуса в Западной Европе и в Японии, чем американский средний класс, а тем более нижний.

Необуржуазия осуществляет вульгаризацию культуры, когда идеалом становится вульгарное; т.е. здесь мы имеем дело не только с отказом от классического наследия буржуазии и аристократии в качестве идеала, не только с неспособностью создать свой идеал, но с постулированием в качестве идеала вульгарности, как мы видим – субкультур низов.

Необуржуазная культура уничтожает такие сферы интеллекта как наука и образование. Когда место теории занимает набор идеологически оформленных моделей; в наиболее яркой и вульгарной форме это проявляется в политологии, которая, по сути, перестала быть наукой и выполняет чисто идеологические функции (стандартное использование в ней терминов «демократия», «авторитаризм», «тоталитаризм»). Отсюда – «болонская система», которая уничтожает реальное образование.

Иными словами, новый информационный порядок необуржуазии – «ненависть к мысли» (Д. Дюкло), отсюда, помимо прочего, резкое снижение интеллектуального уровня СМИ и утрата своего лица, индивидуальности у многих изданий.

У А. Тойнби есть понятие «схизма души». Это ситуация, когда из жизни творческого меньшинства уходят добродетель, стиль и цель и происходит вульгаризация языка, манер, поведения, культуры. Схизма души превращает творческое меньшинство просто в доминирующее, лишённое содержания, стержня, следовательно, обречённое на социальную гибель.

Наиболее вероятный вектор развития необуржуазии – социальная деградация, как это всегда бывает с замкнутыми группами. Достаточно взглянуть на политических лидеров Запада последних 20–25 лет. Прежде всего, они безлики по сравнению с предшественниками. О них можно сказать и словами К. Чапека о саламандрах – «Они приходят как тысяча масок без лиц».

Речь идёт о том, как очередные варвары в очередной раз сметают сгнивший изнутри и обезумевший Рим. Финансиализм, мультикультурализм, политкорректность – предвестники краха капиталистической системы. Точнее он один – необуржуазия, а все остальное – её маски.

Литература

1. Rothkopf David Superclass: The Global Power Elite and the World They are Making / David Rothkopf. – US : Straus and Giroux, 2009. – 408 p.
2. Smith Hedrick Who Stole the American Dream? / Hedrick Smith. – US: Random House, 2012. – 626 p.
3. Soares A. Joseph The Power of Privilege : Yale and America's Elite Colleges / A. Joseph Soares. – California: Stanford University Press, 2007. – 256 p.

Трегуб В.А.
(г. Луганск)

БЛЕСК И НИЩЕТА ФЕНОМЕНА «ДЕМОКРАТИЯ»

*«В лексиконе публичной
политики демократия,
возможно, является
самым ненадежным
словом»*

Бернард Крик

Для того чтобы понять феномен демократии, нужно обратиться к истокам. Слово демократия греческого происхождения. «Демократия» означает «власть демоса» (демос значит «народ», хотя греки поначалу называли так только «бедноту» или «массы»). Однако в греческом существовало много синонимов слова народ: «этнос», «лаос», «фюлэ» и т.д. Этимологические исследования показали, что верная трактовка демоса в русском языке – население или разделенные по тем или иным территориальным границам. При том в полисах не шла речь о демократическом правление, которое осуществляется посредством включения всех социальных слоев. Большинство античных мыслителей, таких как Аристотель, Платон, Демокрит, Фразимах, Калликл, Критий выступало против такого строя, называя его охлократией. Даже Гипподам, автор социальной утопии, разделил общество на классы, где каждый индивид занимает определенное положение и как в брахманизме не смеет посягать на большее. Платон написал: «Каково бы ни было государство, в нем всегда есть два государства,

враждебные друг другу: одно – государство богатых, другое – бедных». Это еще раз доказывает, что в античности существовала только одна демократия – цензурированная, что, по сути, является оксимироном. Сократа за свои речи казнили, а Платона за попытку создать идеальный строй продали в рабство.

Что касается хронологии, то точной официальной даты возникновения демократии нет. Однако некоторые исследователи отвечают на этот вопрос с полной определенностью, называя 510 год до Р. Х. В этом году в Риме был изгнан последний царь Тарквиний, а в Афинах – царь Пизистрат, и в обоих городах была учреждена республика. Однако и республика пала, так как для правления Римом нужна была прежде всего максимальная концентрация власти в форме личной военной диктатуры.

Последующая эпоха – Средневековье – принесла новый общественный строй – феодализм и заложила фундамент для элитизма. Именно элитизм, а не демократия и власть толпы, играет важную роль в современном мире, элитизм, чьи корни кроются в работах античных философов, но который раскрылся в полной мере лишь с падением Римской империи.

Именно средневековая Венеция, насчитывавшая в XVI в. 200 тыс. населения, управляемого 40 семьями, а не античные Афины и Рим, во многих отношениях формировала современный Запад. О роли Венеции в истории Европы свидетельствует помимо прочего и её генетическо-генеалогический вклад. Венецианская аристократия дала 17 папских семей, включая Борджа и Орсини; в родстве с ней находились / находятся: Медичи, Сфорца, Бурбоны Франции и Пармы, Савойский дом, баварские Виттельсбахи и ещё шесть-семь герцогских и маркграфских домов; выходцами из Венеции являются еврейские семьи Морпурго (финансировали Наполеона),

Варбургов (финансировали Наполеона и Гитлера), американских Кэботов (еврейская семья Каботи из Ломбардии, перебравшаяся в X в. в Венецию) и многие другие. По женской линии с венецианской аристократией связаны финансисты и промышленники неаристократического происхождения, например, владельцы «Фиата» Аньелли.

Как писал российский журналист Владимир Грингвут: «Историки восхваляющие «процветание демократических государств», всегда упускают из виду, что этим процветанием государства обязаны не своему демократизму, который сам по себе всегда и безусловно вреден, а подъему национального духа, вызванного тем или другим выдающимся национальным вождем – будь он король, император или президент республики». Однако и короли были зависимы от влиятельных и богатых семей. Так известный банковский дом Германии Фуггеры выступали и как ростовщики: с 1488 года они предоставляли крупные денежные кредиты Габсбургам, снабжали деньгами папу римского, а Якоб Фуггер в XVI веке скупал земли в Швабии, рассчитывая со временем приобрести место и голос в совете имперских князей. Семья Фуггеров до наших дней занимается финансами.

Факт остается фактом: именно Средневековье наложило отпечаток на современные реалии, семьи, которые покупали места в совете имперских князей, ведут свой род до наших дней и проводят такую же политику, только теперь покупают голоса в Европейском Парламенте. Если не поменялась политика и политики, то можно ли говорить о том, что «новый дивный мир» изменился только в умах масс и их надеждах на эфемерную и желанную демократию.

Данная версия является контрадикторной для людей, склонных превозносить эпоху Просвещения, якобы именно она дала миру Джона Локка, Монтескье, Руссо, Бентама и других ученых, чьи идеи дали толчок для реорганизации государственной системы. С одной стороны, это действительно так. Были введены инструменты ограничения власти, известные как разделение властей и федерализм. Но с другой стороны, следующим этапом стало осуществления принципа либерализма на практике. Последователи Монтескье экономисты Жан-Батист Сэй и Дестюг де Траси, были страстными популяризаторами «гармонии рынка» и принципа невмешательства государства в экономику. Отголосок этих идей можно найти в социальных реформах двух ставленников корпоратократии – Маргарет Тэтчер и Рональда Рэйгана. Однако если государство не будет контролировать рынок, то кто будет? Извечный вопрос Аристотеля Платону: *Quis custodiet ipsos custodes?* Кто будет охранять стражей? Или кто будет охранять рынок? Весь принцип экономической свободы рассчитан либо на идеальное общество Томаса Мора, либо на безликие массы, которые не понимают тонкостей рыночных отношений.

Вышеупомянутый Джон Локк утверждал, что политическое право голоса вытекает из естественных прав человека, в частности его права на собственность. Он полагал, что политическим правом голоса должны быть наделены только владельцы собственности, ибо лишь они обладают теми естественными правами, которые, собственно, и могут ущемляться правительством. Иеремия Бентам создал идею паноптикума, впоследствии модифицированную Мишелем Фуко в концепт власти, где паноптикуму придаёт социальной реальности свойство прозрачности, но сама власть при этом становится

невидимой. Трактовка паноптикума в работах Фуко дала возможность антиглобалистам, критикам Google и социальных сетей усматривать воплощение замысла Бентама в виде «общества наблюдения», установившегося благодаря современным системам контроля (камеры наружного наблюдения и системы сбора информации о пользователях). Это не демократия – это лишь воплощение романа 1984. Что касается системы сбора информации, то дело Сноудена дало ясную трактовку демократии прямо из уст самого демократичного государства. Всю суть власти народа описал Джордж Оруэлл: «Все животные равны, но некоторые равнее других».

Самые ревностные идеологи теории демократии, такие как Карл Поппер, духовный гуру Джорджа Сороса, в своем катехизисе «Открытое общество и его враги»), прямо заявляют: либо враги открытого общества (либеральной демократии), либо друзья. Диссонанс между высокопарными фразами о мире во всем мире и реальностью никого не смущают.

Закончить свое выступление хотелось бы словами российского ученого Александра Дугина: «Демократия есть лжеучение, она строится на мире, которого нет, и обществе, которого не может быть... Она своей лживой претензией скрывает под собой нечто иное, но что-то в любом случае очень нехорошее, несправедливое и нездоровое например, тайную олигархию или замаскированную тиранию».

Рагулин Ю.В.
(г. Луганск)

**ПРОБЛЕМЫ РАЗРЕШЕНИЯ АССИМЕТРИЧНЫХ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА
ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Сложность урегулирования этнополитических конфликтов демонстрирует множество неразрешенных или «замороженных» конфликтов нашей современности. С 60-х гг. XX в. в теории международных отношений делается попытка анализа конфликтов «нового поколения». В связи с этим, в научный оборот ученым-международником Эндрю Макком был введен термин «асимметричный конфликт». С 1970-х гг. идет разработка теории асимметричного конфликта как конфликта, в котором противостоят субъекты с неравными ресурсowymi и силовыми возможностями или асимметрическими интересами.

Асимметричные войны – это войны, ведущиеся негосударственными структурами против государств. Они отличаются от обычных войн тем, что противник государства фактически анонимен, так как практически невозможно найти юридическое доказательство его вины. Кроме того, очередной акт войны со стороны негосударственной структуры непредсказуем и, следовательно, неотвратим. Это невероятно креативная акция. Практически ни один акт не повторяет другой, особенно если не рассматривать, например, привычные – ирландскую версию террора, испанскую или палестинскую.

Асимметричные войны, получившие широкое распространение в конце XX в., отличаются тем, что в них нет сражений, а тем более не может быть и решающего сражения, определяющего исход войны. Место сражения в асимметричной войне занимают массовые убийства, причем зачастую, прежде всего, гражданского населения, с помощью которых одна из противоборствующих сторон пытается лишить другую всякой способности к сопротивлению.

Выделение асимметричности, как считает российская исследователь Л. Дериглазова, как правило, указывает на парадоксальный характер отношений, в которых более слабый противник способен нанести серьезный ущерб и даже навязать свою волю более сильному, а сильный противник не всегда может отстоять свои интересы и подчинить слабого.

Асимметричный конфликт – термин, описывающий военную ситуацию, в которой две противоборствующие стороны с различными военными потенциалами и возможностями, взаимодействуют, используя как свои сильные и слабые стороны, так и противника. Взаимодействие часто включает в себя стратегии и тактики, выходящие за рамки ведения обычных боевых действий.

Таким образом, основными чертами асимметричных конфликтов, являются:

- непредсказуемость исхода при явной несоразмерности силовых возможностей и статусов противоборствующих сторон;

- использование слабым участником стратегии поиска «слабостей сильного»;

- обращение слабой стороны к запрещенным средствам ведения военных действий;

- тактика «непрямых» военных действий, применяемая слабой стороной;
- неспособность сильной стороны отстоять свои позиции и надежно подавить слабого.

Следовательно, уточняя определение, можно сказать, что асимметрия характеризует парадоксальные конфликтные ситуации, в которых сильный противник не способен защитить себя и добиться победы над слабым. В большинстве подобных конфликтов слабый противник не способен одержать военную победу над сильным. Но первому, как правило, удается навязать второму, выгодный слабому тип протекания конфликта. В этом смысле слабый навязывает сильному свою волю и таким образом достигает политической победы, ради которой, собственно, и применяется сила с точки зрения классического определения войны.

Асимметричные конфликты включают в себя как асимметрию возможностей, так и интереса. В истории международных отношений с 1800 по 1849 гг. произошло 34 асимметричных конфликта – 88,2% были выиграны сильными акторами. С 1850 по 1899 гг. – 69 асимметричных конфликта 79,5% были выиграны сильными акторами. С 1900 по 1949 гг. – 31 асимметричный конфликт 65,1% были выиграны сильными акторами. С 1950 по 1998 гг. – 36 ассиметричных конфликта 45% были выиграны сильными игроками, мы видим тенденцию, уменьшения числа выигранных конфликтов сильными акторами.

Исследователи акцентируют внимание на нескольких основополагающих причинах объяснения роста числа проигранных асимметричных конфликтов.

Так же в обществе происходят идеологические асимметрии, которые выражаются в том, что члены

национально-освободительных движений более преданы своим идеалам и готовы отдать за них жизнь.

Объяснение причин роста числа проигранных асимметричных конфликтов связано с интенсивным развитием новых технологий, что привело к их удешевлению и эффективности.

Важным является тот фактор, что для сильных игроков в асимметричных конфликтах речь, как правило, не идет о выживании, т.е. интерес меньше, чем у слабого актора.

Еще одной причиной поражений есть ошибочные политико-военные стратегии по отношению к слабым акторам, чаще всего это время принятия решения, затягивание конфликта на руку слабым.

XX век не только принес с собой новое качество и формат международных отношений, но и способствовал появлению войн нового типа, существенно отличающихся от классических войн.

На первый план выдвигаются иные приоритеты, вытекающие из выявившейся системы глобальных нетрадиционных угроз, повсеместно обостряющихся этнических, конфессиональных, социально-экономических противоречий различного уровня, фрагментации мирового военно-политического контекста, фактора многочисленных «малых войн», таких как повстанческие войны, «мятеже войны», конфликты низкой интенсивности.

Стремление учесть специфику асимметричных конфликтов заключается, прежде всего, в том, что государства стараются модифицировать стратегию военных действий, учитывая особенности.

борьбы против относительно слабых противников. Их действия сводятся к таким:

– разработка сценариев прямых военных столкновений ограниченного масштаба – стратегии «локальных войн», «ограниченных войн», «конфликтов низкой интенсивности»;

– подготовка вооруженных сил к ведению боевых действий небольшими по численности контингентами специально подготовленных войск;

– ведение превентивных действий против нерегулярных формирований и использование данных разведки и агентурных сетей;

– осуществление мер для обеспечения контакта с местным населением, под лозунгами защиты которого выступает более слабый противник, а также оказание военной и материальной поддержки группам своих сторонников в местном обществе;

– ограничение масштабов боевых операций и переход к невоенным способам оказания давления на слабого противника.

Таким образом, можно сделать вывод, что асимметричные угрозы заставляют сильных игроков международных отношений пересматривать военные доктрины, систему подготовки военных кадров, уделять больше внимания раннему выявлению и предупреждению возможных опасностей. Для более слабых в ресурсном и силовом отношении участников международных отношений асимметричные стратегии все чаще становятся выбором борьбы. В настоящее время большинство аналитиков, почти не раздумывая, называют партизанские и террористические формы борьбы. Однако такая оценка скорее отражает результат эволюции этих стратегий борьбы между неравными противниками в послевоенный период, чем указывает на изначально заданную характеристику.

Бережной Э.А.
(г. Луганск)

**ФЕНОМЕН НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ И
ПРОБЛЕМА ИХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО
СТАТУСА**

На политической карте мира за последние 100 появилось более ста непризнанных государств, которые были провозглашены на территории почти 60 стран. Некоторые существовали и сейчас существуют де-факто, но не признаны в полной мере международным сообществом, другие же признаны, но не имеют собственной территории???. Проблема непризнанных государств – одна из актуальных сегодня политических проблем в мире.

Непризнанные государства – это общее название государственных образований, которые, обладая всеми признаками государственности, не имеют международного признания и не могут выступать в качестве субъекта международных отношений.

Непризнанные государства можно классифицировать по контролю самопровозглашённых правительств над заявленной территорией, по степени их международного признания и по причинам их самопровозглашения.

Что же такое международно-правовое признание государств?

Под ним в теории международного права принято понимать односторонний добровольный акт государства, в котором оно заявляет о том, что рассматривает другое государство как субъект международного права.

В международном праве существуют две теории признания: конститутивная и декларативная.

Конститутивная теория заключается в том, что только признание придает адресату признания соответствующее качество: государству – международную правосубъектность, правительству – способность представлять субъект международного права в межгосударственных отношениях. Признание обладает правообразующим значением: только оно конституирует (создает) новых субъектов международного права. Без признания со стороны группы ведущих государств новое государство не может считаться субъектом международного права.

Декларативная же теория заключается в том, что признание не сообщает адресату соответствующего качества, а лишь констатирует его появление и служит средством, облегчающим осуществление с ним контактов. Иными словами, признание носит декларативный характер и направлено на установление стабильных, постоянных международных правоотношений между субъектами международного права. То есть признание лишь констатирует появление государства, при этом неважно, сколько стран признали его.

Безусловно, более прогрессивной и демократичной можно признать декларативную теорию, но в практике межгосударственных отношений господствует конститутивная теория, что и предопределяет такое значительное количество непризнанных государств.

На современном этапе развития международного права следует отметить, что институт признания не кодифицирован: его образует группа международно-правовых норм (главным образом обычных), которые регулируют все стадии признания новых государств и правительств, включая юридические последствия

признания. В международных договорах содержатся лишь отдельные нормы о признании.

Чтобы разобраться в этой проблеме более детально, стоит обратиться к нашему опыту: Признание республик после распада СССР.

8 декабря 1991 года после подписания беловежского соглашения о создании СНГ перед мировым сообществом стал вопрос о признании 15 новых республик. Решение было принято 23 декабря в так называемом ЗАЯВЛЕНИИ «двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик.

По решению Европейского Совета (Маастрихт, 9–11 декабря 1991 г.) 16 декабря 1991 г. в Брюсселе состоялось заседание Совета ЕС на уровне министров иностранных дел, на котором было обсуждено положение в СССР и в некоторых странах Восточной Европы. Был определен общий подход «двенадцати» к вопросу официального признания новых государств на территории Советского Союза и в Восточной Европе.

Согласованы следующие критерии официального признания:

- соблюдение положений Устава ООН и обязательств, принятых по Хельсинкскому Заключительному акту и Парижской хартии, особенно в том, что касается верховенства закона, демократии и прав человека;

- гарантии прав этнических и национальных групп и меньшинств в соответствии с обязательствами, принятыми в рамках СБСЕ;

- уважение нерушимости всех границ, которые не могут быть изменены иначе, как мирными средствами и с общего согласия;

- принятие всех соответствующих обязательств, касающихся разоружения и нераспространения ядерного

оружия, а также безопасности и региональной стабильности;

– обязательство разрешать по соглашению, в том числе предусматривая в случае необходимости обращение в арбитраж, все вопросы, касающиеся правопреемства государства и региональных споров.

Одновременно министры подчеркнули, что не будут признаваться государства, возникающие в результате агрессии. Сообщества и их страны-члены будут также учитывать влияние факта признания на соседние государства.

Министры заявили, что уважение перечисленных принципов открывает возможности для установления дипломатических отношений, как от имени Сообществ, так и отдельными государствами-членами с оформлением этого факта соответствующими соглашениями.

Из данного заявления вытекает, что для фактического признания государства требуется соблюдение устава ООН, гарантии прав этнических и национальных групп и меньшинств, уважение нерушимости границ, то есть для того, чтобы новосозданному государству рассчитывать на признание, достаточно фактически соблюдать международные соглашения и поддерживать свободы, закрепленные международными организациями.

Отсюда следует вопрос. Почему не признаются государства, которые соблюдают все эти условия? На него нет четкого ответа, потому что западные страны превратили эту процедуру в инструмент политического давления. Признание – чрезвычайно политизированная сфера. Найдется немало примеров признания скорее по политическим, чем по правовым основаниям (Республики Косово – государствами Западной Европы и США, Абхазии и Южной Осетии – Россией).

В последнее время в мире появился феномен «частично признанных государств», т.е. признанных хотя бы одной из стран – членов ООН. Их появление связано с практикой использования некоторыми членами мирового сообщества «двойных стандартов» в решении проблемы непризнанных государств. «Опасность» этой проблемы – это противоречия между двумя основополагающими принципами международного права: «территориальной целостностью государства» и «правом народа на самоопределение». И в настоящее время некоторые суверенные государства «злоупотребляют» этими принципами с целью решения собственных политических и экономических задач.

И данная ситуация изменится только в случае кардинального изменения международной системы взаимодействия, которая по всем предпосылкам должна измениться в ближайшем историческом будущем.

Что по поводу наших непризнанных республик ЛНР и ДНР, то ситуация более чем ясна. Международное признание наших республик, скорее всего, в ближайшее время не состоится по определенным причинам, а именно:

1. Появление наших республик носило исключительно политический характер и было следствием политического кризиса на Украине.

2. Наши республики ставят для себя цель интеграцию в российское пространство в виде субъектов Российской Федерации (или же сохранения в составе Украины в виде широкой автономии) и, следовательно, наши республики в определенной мере являются временным явлением.

3. Ситуация на Донбассе все ещё находится в форме «замороженного конфликта» с регулярными провокациями, и стороны конфликта не перешли на его мирное урегулирование, что представляет собой серьезное препятствие для признания республик Донбасса.

4. ЛНР и ДНР подписали Минские соглашения, которые закрепляют статус республик как составных частей Украины, исходя из 3-го пункта «О временном порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей» (Закон об особом статусе)». И в случае, если у какого-либо государства – члена ООН возникнет намерение их признать, оно тем самым нарушит положения резолюции Совета Безопасности ООН, одобрявшей Минские соглашения.

5. Следует признать, что в настоящее время значительная часть международного сообщества идет в фарватере западных государств, что не дает надежды на признание ими республик Донбасса. Для России же, судя по всему, это не является первоочередной задачей, учитывая то сложное положение, в котором она оказалась из-за явно выраженного антироссийского вектора внешней политики США и ряда западноевропейских стран. К тому же, ЛНР и ДНР рассматриваются Россией как инструмент для возможного в дальнейшем антинационалистического реформирования Украины. Этот вывод можно сделать из ответа министра иностранных дел России Сергея Лаврова на вопрос, почему Россия не признает наши республики: «Вы хотите признать ЛНР и ДНР? А дальше? Потерять всю остальную Украину, оставить ее нацистам?»

Таким образом, следует сказать, что процесс признания государств должен быть институционализирован и происходить в первую очередь ориентируясь на потребности людей, ведь в случае непризнания какого-либо государства страдает в первую очередь народ. Государство изолируется, что приводит к экономическому отставанию и создает прецедент к нарушению прав человека. И я считаю, что данный вопрос должен быть поднят на международное обсуждение для

улучшения жизни миллионов людей, которые попали в сложное положение по факту, международной изоляции.

Литература

1. Маркедонов С.М. СНГ-2. Непризнанные государства на постсоветском пространстве: к определению природы феномена / С.М. Маркедонов // Гуманитарная мысль Юга России. – 2005. – № 1. – С. 118–126.

УДК 327.8(73) : (497 – 049.5)

**Калиничев А.С.,
Агеева Ю.В.
(г. Луганск)**

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ШКОЛЫ НЕОРЕАЛИЗМА ОТНОСИТЕЛЬНО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США ПО ОТНОШЕНИЮ К СТРАНАМ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА И БАЛКАНСКОГО РЕГИОНА

Актуальность статьи обусловлена тем, что сегодня исследование геостратегических интересов Соединенных Штатов, особенностей формирования приоритетных направлений их внешней политики является актуальным для любого актора международных отношений. Для нашей республики актуальность связана также с избранным страной курсом на интеграцию с Россией. Актуальность избранной темы заключается также в недостаточной научной разработанности этой проблематики на постсоветском пространстве.

Понимание и осознание событий и процессов международной политики является необходимым и обязательным условием для выяснения тенденций последующего развития мировой системы. Создание достоверного прогноза дает возможность для формирования наиболее целесообразной стратегии внешней политики, предотвращения негативных процессов и тенденций, является составляющей формирования концепций безопасности.

Международные отношения являются очень сложной и многоаспектной сферой человеческой деятельности, поэтому никакой общей теории, которая объясняла бы все разнообразие политической реальности, не существует. По мнению российского политолога П. Цыганкова «... международные отношения остаются сферой непредсказуемой и необусловленной, а ее закономерности имеют чаще стохастический характер, и каждая тенденция сталкивается на своем пути с множеством контртенденций» [4, с. 17].

Теория международных отношений (ТМО) переживает период развития в концептуальном и методологическом плане, а потому не является однородной отраслью знаний. Она включает несколько сосуществующих направлений, которые активно взаимодействуют и конкурируют.

Общими теориями считаются, так называемые, основные парадигмы ТМО (или теоретические подходы): реализм (неореализм), либерализм (неолиберализм), неомарксизм и постмодернизм. Ряд исследователей к общим теориям относят геополитику, глобализм, постпозитивизм, конструктивизм [2].

Теоретической базой исследования политики США относительно стран постсоветского пространства и балканского региона, мы избрали школу неореализма.

Рациональность и производительность применения теории неореализма обусловлена не только тем, что она является основой одной из ведущих школ теории международных отношений. По нашему мнению, именно школа неореализма благодаря тем фундаментальным принципам, на которых основываются ее выводы и прогнозы (в первую очередь, идея «многополярного мира») сегодня является наиболее способной теоретически осознать международную реальность. Известный американский исследователь Том Фарер считает, что лишь неореалисты и конструктивисты реально влияют на выработку американской внешней политики. Именно их многолетняя борьба способствовала определению основных стратегий США [1]. Судя по предвыборной риторике с большой долей достоверности можно считать, что именно на принципах теории неореализма будет выстраиваться внешняя политика США администрацией Д. Трампа.

Школа политического неореализма является современной трансформацией школы политического реализма. Теоретическими источниками обычно называют произведения Никколо Макиавелли, английских философов Томаса Гоббса и Джона Локка, работы «О войне» Карла фон Клаузевица, «Морская сила в истории (1660-1783 гг.)» Альфреда Мехена, «Американская стратегия в мировой политике» Николаса Спайкмена. Как теоретический подход политический реализм сформировался в первой половине XX века на фоне предпосылок и, собственно, двух мировых войн. Среди его представителей наиболее известны имена Эдварда Карра, Ганса Моргентау, Раймона Арона, Уолтера Липпмана, Джорджа Кеннана, Генри Киссинджера, Кеннета Томпсона, Рейнхольда Нибура, Арнольда Уолферса, Стенли Хоффмана. Краеугольным камнем школы реализма было

требование исследовать международные реалии, а не описывать желаемое или то, что должно быть.

Завершение «холодной войны» актуализировало значение неореалистской парадигмы. Российский исследователь А. Торкунов предлагает собственное объяснение причины востребованности теории неореализма: в первую очередь, создается впечатление, что по окончании «холодной войны» положение в мире стало намного опаснее, к тому же, любое явление, которое нельзя объяснить, представляет угрозу. Получили распространение тревоги и сомнения, связанные с разбалансировкой прежних механизмов функционирования международных отношений, разрушением привычного баланса сил, возникновением на мировой арене новых государств и негосударственных участников международного взаимодействия, всплеском разнообразных и многочисленных конфликтов нового типа. Все эти явления стали индикатором неэффективности ООН и других международных организаций при построении нового международного порядка, основанного на верховенстве универсальных ценностей и общих интересов государств, правовом урегулировании конфликтов и создании системы коллективной безопасности [4, с. 507]

В рамках второй причины высказывается предположение, что теория политического реализма является инструментом мобилизации общественного мнения государства в интересах «своего» правительства, которое защищает «национальные» интересы страны. Тем самым реализм помогает руководству страны не только обеспечивать поддержку своей власти со стороны общества, но и сохранять государственное единство перед угрозой внутреннего сепаратизма.

Третья причина сформулирована собственно в основных положениях теории политического реализма – о международной политике как средстве борьбы за власть, о государстве как главном акторе международной политики, о разногласии национальных интересов государств и связанной с этим конфликтности международной среды и т.п., которые оказались востребованными политической элитой США. Теория политического реализма позволяет трактовать международные отношения в соответствии с американскими представлениями о международном порядке как совокупности совпадающих с национальными интересами Америки либеральных идеалов, которые она призвана продвигать, если необходимо, с помощью экономической или военной силы [4, с. 519].

Категория «силы» («мощи») также сохраняется в подходе неореализма как одна из ключевых. Однако она стала включать в себя не только военное превосходство. Согласно неореалистам, государства действуют на международной арене, исходя из своей мощи. Одновременно сохраняется и понятие «баланса сил», что, по их мнению, позволяет сдерживать участников от применения силы в международных отношениях. Различают простой баланс сил, известный как биполярная система, и более сложный, основанный на нескольких центрах силы (многополярная, или многополюсная, система) [3, с. 30]. Многие эксперты считают, что политика Б. Обамы привела Соединенные Штаты с пути явного доминирования к позиции лидерства в мире. Таким образом, неореализм как методология является эффективна в оценке взаимодействия американских администраций с европейскими структурами относительно дестабилизации на Балканах и на границах с Россией.

Главным действенным способом стабилизации международной системы неореалисты, как и их предшественники, видят в поддержании баланса сил. Однако, не отрицая основные положения традиционного реализма, новый структуралистский подход показывает – баланс сил как состояние системы формируется объективно, независимо от действий государств и намерений их лидеров, ведь сама структура создает условия для его спонтанного воссоздания [9, с. 34]. Важным является прогноз, который заключается в том, что «не сам по себе когда-то достигнутый баланс будет сохраняться, а что однажды нарушенный баланс будет воспроизводиться» [8, с. 79]. Таким образом, неореалисты считают, что теория баланса сил полностью пригодна и к современной международной системе с ее тенденциями к глобализации и эрозии государственного суверенитета. Она, как и раньше, отражает общее условие существования государств в системе, которая остается анархичной, невзирая на изменение полярности или количества центров силы.

Завершение биполярности в результате распада СССР и углубление процессов сотрудничества и интеграции неореалисты восприняли как новые вызовы безопасности национальных государств. Усиление взаимосвязей, по их мнению, неминуемо создает больше ситуаций, где интересы государств сталкиваются, – следовательно увеличивается вероятность возникновения конфликтов. К. Уолц утверждал: «взаимозависимость, которая является одной из характеристик многополярной системы, вынуждает государства наблюдать друг за другом с подозрением» [316, с. 27]. Существование международных институтов совершенно не является гарантией того, что государства будут согласовывать свои

действия, напротив, они станут «ареной, где можно померяться силой».

Следовательно, подходы неореализма к изучению проблем безопасности несколько отличаются от школы классического политического реализма. Одновременно это является примером адаптивности теории к меняющимся геополитическим реалиям. Собственно неореалисты объясняют безопасность как постоянный феномен, который характеризуется определенными фиксированными категориями – балансом сил, распределением военной силы, угрозой территориальной целостности и т.п. Однако представители Копенгагенской школы безопасности, в первую очередь Барри Бузан и Оле Вейвер значительно расширяют определение понятия безопасности. Они подчеркивают приоритетность политического развития и отделяют его от безопасности. Вследствии этого, безопасность становится продолжением политики с использованием избыточных мероприятий, своего рода экстремальная версия политизирования, которое находится за пределами политических правил игры [5, с. 52]. Ученые Копенгагенской школы применяют термин «секьюритизация», имея в виду процесс трансформации определенного вопроса в вопрос безопасности. При этом различают несколько элементов безопасности: политическая, экономическая, военная, экологическая и общественная, отмечая, что каждая сфера жизни может быть «секьюритизована» [6, с. 80].

В целом ни одна из основных парадигм ТМО, в том числе и неореализм, не в состоянии в полной мере объяснить, тем более спрогнозировать некоторые особенности развития современного мира. Например, реалистам часто вменяют несостоятельность их теории объяснить неожиданный и мирный распад СССР, углубление международной интеграции – то есть все то,

что ставит под сомнение базисное утверждение классического реализма о постоянстве биполярной системы, в отличие от систем многополярных.

Результатом научных дискуссий стала новая концептуальная система объяснения международной политики, названная «комплексностью». По определению О. Брусиловской, «комплексность... связана с междисциплинарным подходом, который помогает изменить модели мышления. Сторонники комплексности должны очень четко представлять, что этот подход не является теорией, способной заменить другие. Скорее, это он является основой для использования разнообразных теоретических парадигм» [1].

Влияние «комплексности» прослеживается в теории циклов власти – одной из наиболее интересных американских разработок 2000-х гг., которая базируется на принципах структурных реалистов. Она может служить для объективного пересмотра характеристик международной системы сегодня, где структурные изменения значимыми [1].

Американский исследователь Уильям Лахнеман показывает, что применяя теорию циклов власти, и соответственно комплексный подход, можно более четко объяснить и спрогнозировать основные процессы в современной мировой политике [7]. В первую очередь, определить суть системы международных отношений по окончании «холодной войны», какой цикл власти является актуальным. Так Д. Снайдер считает, что система еще выглядит однополярной, но уже зарождается многополярная. С точки зрения В. Вохлфорта, современная система однозначно является однополярной (где США лидер) и что эта конфигурация долговечна. По Г. Хаасу, «Америка должна осознать ее нынешнее преимущество власти, использовать лидирующую

позицию, поощрять многополярность, сотрудничество и соглашения, а не конкуренцию и конфликт». Р. Арт является сторонником того, что США должны найти золотую середину между изоляционизмом и стремлением к глобальному господству, практикуя «выборочное сотрудничество» во внешней политике. К. Лейн допускает, что американские интересы – это «защита территориальной целостности Соединенных Штатов и предотвращение подъема евразийского гегемона» [1].

Важной частицей теории циклов власти является концепция «субъекта» в международных отношениях. Субъект является чем-то большим, чем место в международной системе. Субъект определяется не только по силе, но и по возможностям, которые лежат в основе власти. Он определяется также традициями международного политического участия. Теория циклов власти развеивает мифы гегемонистского лидерства и мирового порядка. «Гегемоны» не могут навязать свою волю; лидерство всегда разделено; правила и режимы всегда согласованы, а не навязаны [1].

Третьим моментом в понимании теории циклов власти является определение «субъектного сдвига». Когда субъектные компоненты государства уравниваются, ее внешняя политика является последовательной, заслуживает доверия коллег-государств, и международная ситуация стабилизируется. Но не существует внутренней силы, которая бы выравнивала субъектные компоненты. Напротив, наблюдается тенденция к субъектному сдвигу: государства пытаются, прежде всего, поддерживать декларативную роль. Неореалисты также отметили тенденцию государств-лидеров перенапрягать экономическую составляющую ради военного могущества, которое ведет к несогласованности действующей и структурной власти [1].

Относительно США, У. Лахнеман делает вывод, что декларативная роль США была последовательной, но переходила от одного важного партнерства к другому, что способствовало утверждению лидерства США. Действующая власть США усилилась на глобальной арене с концом «холодной войны», в то же время, она относительно ослабла относительно действующей власти своих союзников. Структурная власть США незначительно ослабла с конца «холодной войны» [7, с. 104].

Соединенные Штаты играют хорошо сбалансированную политическую роль, которая четко действует благодаря ее сильным союзникам, которые ей и приписали роль лидера.

Анализ субъектного компонента показывает, что это выравнивание ролей США является результатом сдвигов субъектной власти других государств, в частности Германии и Японии. Нынешнее доминирующее положение США также зависит от «мягкой силы». Преимущества в экономической и военной мощи являются необходимыми характеристиками для американского руководства. Они будут давать США возможность держать планку лидерства независимо от оценок других акторов; но такие преимущества одного государства над другими, как исторически доказано, могут дать обратный эффект [7, с. 106].

Обобщая тезисы современного структурного реализма, следует отметить: мировой порядок всегда анархичен; устоявшаяся иерархия государств отсутствует: есть более и менее мощные государства, но даже самые влиятельные из них не могут гарантировать, останется ли ситуация такой же завтра; из-за этой непредсказуемости, основной целью государств в анархическом мире является обеспечение выживания самих себя; мощь государства зависит от ее способности максимизировать военные

возможности для того, чтобы остаться на вершине иерархии как можно дольше; государства ведут себя рационально, просчитывая стратегии, в которых приоритетным всегда является национальный интерес [5, с. 52].

Следовательно, неореализм остается сегодня, наряду с неолиберализмом, доминирующей парадигмой исследования современных международных отношений. В значительной мере это объясняется тем, что храня главные принципы классического реализма (конфликтность международных отношений, национальный интерес как основа мировой политики, роль власти и действенность силы как средства ее достижения и удерживания) современная теория хорошо адаптируется и приспособливается к международным реалиям.

Литература

1. Брусилівська О. Розвиток теорії міжнародних відносин в США: дискусії в сучасній політології [Електронний ресурс] / Ольга Іллівна Брусилівська // Міжнародні відносини. Серія «Політичні науки». – 2015. – № 5. – Режим доступу: <http://journals.iir./index.php/article>.
2. Коньшев В.Н. Американський неореалізм о проблемі суверенітету [Електронний ресурс] / В.Н. Коньшев // ПолітЕкс. – Режим доступу: <http://www.politex.info/content/view/760/30/>
3. Лапшин А.Е. Распад Югославии: внутренний и международный аспекты Балканской проблемы / А.Е. Лапшин. – Одесса: Астропринт, 1999. – 22 с.
4. Современные международные отношения и мировая политика / [Ред. А.В. Торкунова]. – М.: Просвещение, 2005. – 990 с.

5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
6. Farer T. To Shape the Nation's Foreign Policy: Struggles for Dominance among American International Relations Scholars / Tom Farer // Diogenes. – 2004. – № 51. – P. 71–84.
7. Lahneman W. Changing Power Cycles and Foreign Policy Role / W. Lahneman // Power Realignment: Asia, Europe, and North America International Political Science Review. – 2003. – Vol. 24. – P. 97–111.
8. Mearsheimer J.J. Structural realism / J.J. Mearsheimer // International Relations Theories: Discipline and Diversity / Ed. by T. Dunne, M. Kurki, S. Smith. – Oxford University Press. – 2010. – P. 71–88.
9. Waltz K. Structural Realism after Cold War / Kenneth N. Waltz // International Security. – 2000. – Vol. 25. – № 1. – P. 5–41.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Агеева Юлия Витальевна** – магистрант 2 курса специальности «История» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

2. **Бережной Эдуард Алексеевич** – студент 1 курса, направления подготовки «Политология» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

3. **Бунеев Вадим Дмитриевич** – студент 3 курса, направления подготовки «Политология» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

4. **Герасимов Алексей Вячеславович** – старший преподаватель кафедры философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

5. **Делянченко Виталий Николаевич** – старший преподаватель кафедры политологии и правоведения Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

6. **Дибас Оксана Андреевна** – доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

7. **Калиничев Андрей Сергеевич** – магистрант 2 курса специальности «Международные отношения» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, Генеральная прокуратура Луганской Народной республики (г. Луганск).

8. **Карпунов Вячеслав Николаевич** – доцент кафедры политологии и правоведения Луганского

национального университета имени Тараса Шевченко, кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

9. **Кучер Константин Владимирович** – старший преподаватель кафедры политологии и правоведения Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

10. **Ладыга Александр Иванович** – доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

11. **Ладыга Людмила Ивановна** – доцент кафедры политологии и правоведения Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

12. **Милокост Любовь Сергеевна** – доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

13. **Миндюкова Анна Владимировна** – ассистент кафедры политологии и правоведения Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

14. **Михайловская Оксана Георгиевна** – и.о. заведующего кафедрой политологии и правоведения, кандидат политических наук, доцент (г. Луганск).

15. **Олейник Владислав Александрович** – студент 3 курса, направления подготовки «Политология» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

16. **Петришина София Вячеславовна** – студентка 4 курса, направления подготовки «Политология»

Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

17. **Рагулин Юрий Вячеславович** – депутат Молодежного парламента Луганской Народной Республики.

18. **Сало Дмитрий Сергеевич** – студент 3 курса, направления подготовки «Политология» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

19. **Татоли Татьяна Викторовна** – доцент кафедры политологии и правоведения Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

20. **Трегуб Виктория Александрова** – студентка 3 курса, направления подготовки «Политология» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

21. **Шелюто Владимир Михайлович** – профессор кафедры философии и религиоведения Луганского национального университета имени Владимира Даля, доктор философских наук, профессор (г. Луганск).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ В СТРАНАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
ТРАНЗИТА**

Материалы Международной научной конференции

(г. Луганск, 4 апреля 2019 года)

Редакционная коллегия оставляет за собой право технического и стилистического редактирования статей. Авторы несут полную ответственность за содержание статьи.

Редакционная коллегия не всегда разделяет мнение авторов.

Редактор – О.Г. Михайловская

Верстка – Б.И. Кандауров

Подписано в печать 14.10.2019.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать лазерная. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 9,3.

Тираж 50 экз. Заказ № 72.

Издатель

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»

«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Т/ф: (0642) 58-03-20.

e-mail: knitaizd@mail.ru